

Серия «Последний вход»

ПОСЛЕДНИЙ ВХОД

КИРА РЕЗНИК

Книга 10

Ф И Н А Л

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кира Резник

Последний вход

«Автор»

2026

Резник К.

Последний вход / К. Резник — «Автор», 2026

Финал серии «Последний вход». Надя Климова получает уведомление 10-ПВ: войти может только она сама. Если она откажется, за неё войдёт архивная модель, собранная из всех прежних дел. Последняя дверь серии открывается не наружу, а внутрь.

© Резник К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Последний вход

Глава

1. Личный формат

После «Доверенного лица» прошло три дня.

Петербург за эти три дня не переменялся. Он вообще редко менялся так быстро, если не считать вывесок, снятых за ночь, перекрытых переулков и людей, которые вчера ещё были живыми в документах, а сегодня уже числились спорными. Дровяной переулок мок под ноябрьским дождём, в окнах напротив светились кухни, и Наде казалось, что город снова варит себе тихую бытовую ложь: чайник, хлеб, чужая фамилия в домофоне, соседский взгляд, который потом станет свидетельством.

В конторе пахло бумагой, остывшим кофе и мокрой шерстью пальто, хотя пальто висело в прихожей с утра и давно должно было высохнуть. Три папки лежали на столе так, будто их специально не убрали для отчёта: Лосев, Мальцев, Садовая. Все три надо было закрыть в металлический шкаф, перенести в архив, сделать аккуратную пометку и перестать видеть. Надя не сделала ни одного из этих действий. После девятой книги слово «архив» уже не было местом хранения. Оно звучало как угроза, которую просто произносили канцелярски.

Телефон лежал экраном вниз.

Это было почти смешно. После всего, что случилось, Надя продолжала думать, что если не видеть экран, он какое-то время не видит её. Взрослая женщина, бывшая следовательница, человек, который вытаскивал чужую смерть из недогруженных видео, разбитых телефонов, семейных переписок и серых пропусков, сидела у себя в Дровяном и играла в детскую игру с предметом на столе.

Телефон коротко толкнулся о дерево.

Не звонок. Не сообщение. Не письмо.

Служебная карточка.

Надя не сразу перевернула телефон. Сначала посмотрела на окно. За стеклом двор был смазан дождём, как старый снимок, который слишком долго носили в кармане. Внизу дворник толкал лопату без снега, просто воду и листья, потому что лопата была у него вместо ответа на всё. Где-то в подъезде хлопнула дверь. Дом жил. Дом не знал, что его уже можно было описать как объект с несколькими входами, историческими ключами, свидетелями и спорными маршрутами.

Телефон толкнулся снова.

Надя взяла его двумя пальцами, как улику, которую не хочется признавать своей.

10-ПВ. Последний вход.

Формат участия: личное.

Доверенные лица: недоступны.

Подтверждение через внешних лиц: запрещено.

Свидетельство третьих лиц: вспомогательное.

Вход возможен только субъектом.

Надя смотрела на строки и впервые за долгое время не почувствовала злости сразу. Сначала пришло почти облегчение. Не Паша. Не Костя. Не Мария Сергеевна, вытасканный из мёртвого голосового архива. Не Лосев, которого заставили представлять собственное тело. Не чужое доверенное лицо, не старый ключ, не супружеская ограниченная достоверность, не круг подтверждений из людей, документов и предательски точных мелочей.

Лично.

Слово было почти чистым.

Потом появилась вторая строка.

В случае отказа последний вход будет выполнен по архивному следу.

И вот тогда в комнате стало тихо.

Не так, как бывает ночью. Не так, как бывает после плохого звонка. Тишина была служебная, плотная, с запахом мокрой бумаги и старого линолеума. Она не пришла снаружи. Она открылась внутри предметов. В папке Лосева. В красной бирке на ключе, который Костя так и не забрал обратно. В распечатке по Мальцеву, где чужие достоверные куски едва не собрали человека без него. В пустом стуле напротив Нади, где ещё вчера мог сидеть любой, кого система назначила бы говорящим вместо живого.

Надя прочитала вторую строку ещё раз.

Архивный след.

Не «доверенное лицо». Не «внешний подтверждающий». Не «сопровождающий». Механизм вырос. Ему больше не нужен был один человек, через которого можно войти. Он собрал её из остатков: из решений, которые она принимала, из протоколов, которые оспаривала, из звонков Паше, из старого ключа Кости, из материнского запрета, из логов Морозова, из Сухановских служебных входов, из Ритиных заключений, из Мартинового горя, из Лосева, который боялся, что телефон ответит за него.

Система собрала архивную Надю.

Живая сидела у стола и держала телефон.

Она набрала Пашу. Не потому что он мог что-то решить. Скорее потому, что привычка проверять реальность у живого человека была сильнее новых правил.

Паша ответил не сразу. На третьем гудке. Голос у него был низкий, хриплый, будто он не спал, а только лежал с закрытыми глазами, чтобы не мешать телу помнить.

- Да.

- Пришло.

Пауза была короткая.

- Мне тоже.

Надя встала. Стул скрипнул слишком громко.

- Что именно?

- Уведомление о невозможности действовать от твоего имени. Красивое такое. Почти поздравительное. «Доверенное лицо недоступно для маршрута 10-ПВ». И ниже: «Попытка сопровождения будет считаться искажением личного входа».

- Скучаешь по старым временам, когда тебя просто назначали без спроса?

- Ностальгии нет. Изжога есть.

Она прошла к окну. Во дворе дворник остановился, достал из кармана телефон, посмотрел на экран и убрал обратно. Обычный жест. Или не обычный. После нескольких месяцев с такими делами любой человек с телефоном выглядел участником чужого маршрута.

- Где ты? - спросила Надя.

- У управления. Хотел заехать к Суханову. Теперь, видимо, сначала к тебе.

- Не надо.

- Надь.

- Паша, если ты сейчас приедешь, они это запишут как сопровождение. Если позвонишь ещё раз с вопросом, они запишут как попытку внешнего подтверждения. Если скажешь «не ходи», они запишут как давление. Если скажешь «иди», они запишут как влияние. Ты сейчас очень удобный.

Он молчал.

В этом молчании было всё, что они не говорили друг другу после девятой. Он был рядом, и именно поэтому его было легче превратить в функцию. Система не любила случайных людей.

Случайных трудно оформить. А Паша был не случайным. У него были протоколы, статусы, звонки, совместные дела, ночные выезды, следы на документах, чужие подписи рядом с его фамилией. Из этого получался отличный вход.

- Я не буду действовать от твоего имени, - сказал он.

- Знаю.

- Но я могу быть рядом.

Надя закрыла глаза.

Вот это и было большее всего. Не запрет, не угроза, не архивная модель. Простая человеческая фраза, которую теперь тоже можно было превратить в поле.

- Пока нет, - сказала она. - Сначала надо понять, что им нужно.

- Им нужно, чтобы ты пришла туда одна.

- Нет. Им нужно, чтобы я поверила, что выбор между «одна» и «за меня». А там всегда есть третья гадость.

Паша выдохнул.

- Морозову отправила?

- Ещё нет.

- Отправь. Только не через пересылку. Снимок с другого устройства. И без текста.

- Ты сейчас дал техническую рекомендацию.

- Я сейчас ругнулся про себя и очень стараюсь не быть доверенным лицом.

- Получается средне.

- Я знаю.

Надя отключилась первой.

Телефон сразу показал новое уведомление. Система словно ждала, пока личный разговор станет фактом.

Зафиксирован контакт с внешним подтверждающим высокой достоверности.

Действие не принято к маршруту 10-ПВ.

Рекомендация субъекту: воздержаться от косвенного сопровождения.

Надя посмотрела на экран и тихо сказала:

- Какая заботливая сволочь.

Она сделала фотографию карточки старым планшетом без сим-карты, который Морозов когда-то оставил у неё «на всякий случай» и забыл забрать, потому что в его мире всякий случай случался каждые сорок минут. Планшет включался медленно, с трещиной в углу стекла, зато не был привязан к текущим сервисам. Надя перенесла снимок на флешку. Потом передумала, вытащила флешку, положила её на стол и не отправила ничего.

Слишком быстро.

Слишком очевидно.

Если механизм строил архивную Надю из её действий, значит, каждое действие сейчас было кормом.

На кухне щёлкнул чайник. Она не помнила, когда нажала кнопку. Вода закипела, выключилась, стала остывать. Надя стояла посреди комнаты с телефоном в руке и вдруг отчётливо почувствовала усталость не в голове, а в костях. Не было больше отдельного дела. Не было отдельного клиента, которого можно посадить напротив, выслушать, отделить его враньё от страха и дать себе рабочую задачу.

Теперь клиентом была она.

И это было неудобно.

Надя не любила неудобных клиентов. Особенно если они были умные, сухие, ничего не рассказывали до конца и считали, что смогут сами.

В дверь позвонили.

Она не вздрогнула. Только повернула голову.

Звонок повторился. Коротко, осторожно. Не Паша. Паша звонил иначе - один раз и ждал, будто дверь обязана сама решить, готова ли открыться. Суханов давил кнопку так, как будто допрашивал её. Морозов стучал, потому что не доверял звонкам. Рита вообще могла позвонить ногой, если руки заняты.

Надя подошла к двери и посмотрела в глазок.

На лестничной площадке стояла женщина лет тридцати пяти. Мокрая шапка, дешёвое пальто, лицо человека, который уже несколько раз за день объяснил свою беду людям за стойками и понял, что беда без правильного поля не существует. В руках она держала папку с файлами, полиэтиленовый пакет и телефон, на экране которого горел какой-то кабинетный пропуск.

Женщина подняла глаза к глазку, будто знала, что Надя смотрит.

- Надежда Александровна? - сказала она через дверь. - Меня зовут Юлия Антипова. Мне сказали, вы занимаетесь последними входами.

Надя не открыла сразу.

- Кто сказал?

- Никто, - ответила женщина. - Я нашла. В интернете. Потом ваш адрес в старой статье. Простите, я не знала, куда ещё.

- Что случилось?

Женщина прижала папку к груди. Пакет шуршал в руке, как больничный бахил.

- Мой отец жив, - сказала она. - Но все его решения уже закрыли. Мне говорят: последний вход состоялся. А он живой. Он там лежит и злится. Он всегда злится, когда живой.

Надя опустила взгляд на замок.

Вот и третий ход.

Не новый клиент. Зеркало.

Она открыла дверь.

Юлия Антипова вошла в прихожую, оставляя на полу тёмные следы. Сняла шапку, не сняла пальто. Вода стекала с подола на старый коврик. Она оглядела контору быстро, испуганно, но без любопытства. Люди в настоящей беде редко разглядывали чужие комнаты. Они искали, куда положить свою.

- Проходите, - сказала Надя. - Только сразу: если вы врётё, я это узнаю быстро. Если вы ошибаетесь, тоже. Если вы пришли не сами, лучше сказать сейчас.

Юлия кивнула так, будто ожидала чего-то хуже.

- Я пришла сама. Но они сказали, что я не считаюсь.

- Кто они?

- Пансионат. Соцслужба. Потом какой-то центр доступа. Я уже не понимаю.

Она достала из папки первую распечатку. Бумага была влажная по краю, чернила слегка поплыли, но строки читались.

Антипов Сергей Викторович.

Статус участия: завершён.

Последний вход: подтверждён.

Дальнейшие обращения родственников: информационные.

Надя взяла лист.

На секунду ей показалось, что телефон на столе стал тяжелее.

- Где ваш отец?

- В «Северной гавани». Это пансионат после инсульта. Но он не овощ. Он говорит. Плохо, но говорит. Он ругается так, что санитарки краснеют. Вчера я приехала, а мне говорят, что он подписал полный отказ от участия в имущественных и медицинских решениях. Через терминал. С последним входом. В день, когда у него правая рука не работала вообще.

Надя посмотрела на дату.

Три дня назад.

День финала девятого маршрута.

- Кто был рядом?

Юлия достала ещё листы, фотографию терминала в холле, копию пропуска, распечатку переписки с администратором.

- Вот это я и пытаюсь понять. В журнале посещений стоит «представитель архива». Фамилии нет. Только код. 10-ПВ.

Надя медленно положила лист на стол рядом с телефоном.

В комнате снова стало тихо.

Юлия смотрела на неё с надеждой, которая всегда раздражала Надю больше недоверия. Недоверие можно было проверить. Надежду приходилось нести.

Телефон на столе загорелся сам.

Входной случай принят к маршруту.

Субъект Климова Н. А. уведомлена.

Надя не сразу подняла глаза.

Юлия прошептала:

- Это из-за меня?

Надя взяла телефон, перевернула экраном вниз и сказала:

- Нет. Вы просто постучали в дверь, которую уже открывали.

2. Человек, который злится

Юлия Антипова держалась до тех пор, пока Надя не поставила перед ней чашку чая.

Чай был плохой. Пакетик Надя передержала, сахар не предложила, ложку дала мокрую, с пятном от старого кофе на ручке. Но чашка была настоящей, тяжёлой, с трещиной у ободка. Люди часто срывались не на вопросах, не на документах и не на страшных словах. На чашке. На том, что кто-то всё-таки поставил перед ними предмет, предназначенный не для дела, а для тела.

Юлия взяла чашку обеими руками и вдруг заплакала. Без звука, почти аккуратно. Слезы падали в чай. Она сразу попыталась отвернуться, как будто в конторе существовало правило о запрете лишней влаги, кроме ноябрьского дождя.

Надя не утешала. Утешение было дорогой вещью, а у неё сейчас не было права раздавать дорогие вещи просто так. Она открыла папку Антиповой и стала смотреть.

Документы были собраны плохо, но честно. В таких папках всегда была своя правда: лишние копии, криво распечатанные скриншоты, фотографии экрана с бликами, три одинаковых заявления, на одном из которых синей ручкой кто-то написал «принято устно», что само по себе было маленьким преступлением против смысла. Юлия не знала, что важно, поэтому принесла всё. Это было лучше, чем когда клиент приносил только красивую версию.

- Расскажите по порядку, - сказала Надя. - С того момента, когда отец попал в пансионат.

Юлия вытерла лицо рукавом. Салфетки на столе были, но она их не заметила.

- Инсульт у него был в августе. Не тяжёлый. То есть тяжёлый, конечно, но не так, как бывает. Речь смазалась, правая сторона слабая. В больнице сказали, нужна реабилитация, потом временный уход. Я работаю сутки через двое, брат в Мурманске, мать умерла давно. Отец сам сказал: «Сдай меня куда-нибудь, только не делай вид, что ты сиделка». Он вообще...

Она запнулась.

- Что?

- Он гадкий. Я не хочу сейчас делать из него хорошего, потому что он больной. Он всегда был гадкий. Упрямый, злой, всем недовольный. Но он мой отец. И он живой.

- Хорошее начало, - сказала Надя.

Юлия подняла глаза.

- Что?

- Вы не пытаетесь продавать мне святого. Продолжайте.

Юлия впервые за всё время почти усмехнулась. Лицо у неё сразу стало старше.

- В «Северной гавани» сначала было нормально. Дорого, но нормально. Он ругался, требовал домой, писал мне сообщения левой рукой, там половину нельзя было разобрать. Потом в октябре мне начали говорить, что он отказывается от некоторых процедур. Я приезжаю - он орёт, что ничего не отказывался, просто не будет делать упражнения с «этой курицей». Курица - это инструктор. Он всех так называет, у него вообще словарный запас после инсульта стал как у злого попугая.

- Врачебные документы есть?

- Выписки, назначения, заключение невролога. Там написано, что когнитивно он сохранен. Может понимать, может выражать волю. Речь нарушена, моторика нарушена. Но голова работает. Он шахматы по телефону играет. Матерится в чате двора. Живее многих здоровых.

- Кто оформлял цифровой доступ?

Юлия достала отдельный лист.

- Вот. В пансионате сказали, что это новый порядок. Для лежачих и маломобильных. Чтобы не гонять родственников с бумажками. Биометрия, голосовая верификация, кодовое слово, терминал. Отец должен был подтвердить, кто может получать сведения, кто может заказывать услуги, кому звонить при ухудшении. Мы с ним это обсуждали. Он сказал, чтобы я была основной, брат дополнительный, а соседу Петровичу ничего не давать, потому что Петрович мудака.

- Петрович есть в документах?

- Нет.

- Жаль. Мудаки в документах иногда полезны.

Юлия моргнула, потом опять почти улыбнулась.

Надя разложила листы в три стопки: медицинское, цифровое, жалобы. Отдельно положила фотографии терминала. Терминал стоял в холле пансионата, рядом с кулером и стендом «Наши будни». На стенде старики лепили что-то из солёного теста. Под фотографиями была бумажная снежинка. Рядом с терминалом - камера. Надя увеличила снимок. На корпусе терминала был маленький знак подрядчика, знакомый по Садовой, 55. Не тот же логотип, но та же порода: серый круг, тонкая линия, буквы, которые ничего не обещают.

- Когда был последний вход?

Юлия ткнула пальцем в распечатку.

- Три дня назад, в 16:42. Я в это время была на смене. Отец, по журналу, находился в комнате отдыха после занятия. Но он говорит, что его никуда не водили. Точнее, говорит плохо, но смысл такой: «не ходил, не жал, пошли они». Я записала на видео.

Она открыла ролик.

На экране был старик в больничной кровати. Худой, злой, с перекошенным ртом и очень живыми глазами. Правая рука лежала поверх одеяла как чужая. Левая держала пластиковый стакан. На фоне пищал телевизор, кто-то в коридоре смеялся. Старик смотрел в камеру дочери с такой яростью, что Надя сразу ему поверила больше, чем всем распечаткам.

- Пап, ты входил в этот терминал? - спрашивала Юлия за кадром.

Старик морщился.

- Чё?

- Терминал. В холле. Подписывал что-то?

- Не... - он закашлялся, разозлился на кашель, махнул левой рукой. - Не жал. Суки. Я бы... я бы им... дверь.

- Какую дверь?

- Закрыли. Они закрыли. Я живой, Юлька. Ты им скажи. Я живой, блядь.

Видео оборвалось.

Юлия убрала телефон, будто ей стало стыдно за отцовский мат. Рита бы сказала, что это лучшее заключение о сохранности личности, какое она слышала за месяц. Надя почти услышала её голос и не стала улыбаться.

- Покажете это Рите Корнеевой, - сказала она.

- Кому?

- Эксперту. Потом. Не сейчас.

- Вы можете?

Надя посмотрела на неё поверх документов.

- Я пока не знаю, что вы мне принесли: преступление, ошибку, семейный конфликт или наживку.

Юлия побледнела.

- Я не...

- Я не говорю, что вы сознательно. Наживкой часто делают честных. Они лучше пахнут.

- Кто они?

- Вот это и надо выяснить.

Телефон Нади лежал экраном вниз, но звук был включен. Он коротко вибрировал каждый раз, когда система считала нужным проявить заботу. Надя не смотрела. Вибрация повторилась через минуту. Потом ещё раз. Юлия косилась на телефон, но спрашивать не решалась.

Надя взяла отдельный блокнот. Бумажный. После «Доверенного лица» бумага уже не казалась безопасной, но хотя бы не отправляла уведомления сама.

- Кто имел выгоду от закрытия решений вашего отца?

Юлия ответила слишком быстро:

- Никто.

- Это редко бывает правдой.

- У него нет квартиры в центре, если вы про это. Комната в коммуналке на Гражданке, дача разваленная, пенсия, какие-то накопления. Он бывший инженер. Всю жизнь работал на оборонном заводе, потом на складе, потом в охране. Ничего такого.

- Коммуналка приватизирована?

- Да.

- Соседи?

- Две комнаты чужие. Одна семья уехала, сдают. Во второй женщина пожилая, она с отцом ругалась лет двадцать. Но она не про цифровые входы, она про кастрюлю в общем холодильнике.

- Накопления где?

- Банк. Я не знаю сколько. Он не говорил. После инсульта я просила оформить доверенность, чтобы оплачивать пансионат. Он сказал: «Хрен тебе, помру - тогда пляши». Это он так заботился.

- А теперь его решения закрыты.

- Да. И доступ к счетам тоже. Мне сказали, что он сам подтвердил режим ограниченного участия. Все финансовые решения по плану ухода списываются автоматически. Я могу только пополнять.

Надя подняла глаза.

- Пополнять можете?

- Да.

- Выводить нет, получать сведения нет, менять условия нет, отозвать отказ нет?

Юлия кивнула.

- Очень трогательная модель семьи, - сказала Надя. - Родственник годится как банкомат, но не как воля.

Она взяла распечатку с последним входом. Внизу мелким шрифтом стояли технические поля. Часть была закрыта серыми прямоугольниками. Не вымарана, а скрыта при печати. Это значило, что у кого-то была версия с полными данными. Надя любила такие мелочи. Они не доказывали преступление, но показывали, где человек или система начали выбирать, что другим можно видеть.

Тип входа: подтверждение завершения участия.

Основание: личный субъектный контакт.

Сопровождение: не применялось.

Свидетельство: машинное.

Архивный режим: активен.

Надя задержалась на предпоследней строке.

- Машинное свидетельство, - сказала она.

- Это плохо?

- Это удобно.

Юлия сжала чашку.

- Я могу поехать к нему. Прямо сейчас. Вы с ним поговорите.

Телефон на столе завибрировал опять.

Надя перевернула его.

Рекомендация субъекту Климова Н. А.: воздержаться от выезда по входному случаю до завершения личного маршрута 10-ПВ.

Ниже была кнопка:

Согласовать порядок участия.

Надя посмотрела на неё, потом на Юлию.

- Они предлагают мне не ехать.

- Кто?

- Те, кто очень хочет, чтобы я сделала что-нибудь предсказуемое.

- И что вы сделаете?

- Сначала кофе.

Юлия растерянно моргнула.

- Что?

- Кофе. Чай у меня дрянь. Кофе тоже, но он честнее.

Она встала и пошла на кухню. На самом деле кофе был нужен не Юлии. Он был нужен паузе. Надя уже чувствовала, как старый следовательский мотор хочет завестись: пансионат, терминал, камера, журнал, подрядчик, Антипов, банковские списания, машинное свидетельство. Мотор был полезный. Мотор делал её живой. Но сейчас каждое быстрое движение могло стать частью архивной модели.

Система ждала её привычек.

Надя наливала воду в турку и думала, какие из её привычек уже описаны. Скорее всего, все. Быстрый выезд на место. Звонок Паше. Запрос Морозову. Грубый вопрос клиенту на третьей минуте. Неприязнь к надежде. Отказ от красивой версии. Дозированный чёрный юмор, который любая комиссия назвала бы эмоциональной защитой, если бы хотела сделать из неё не человека, а объект.

На кухне телефон снова коротко дрогнул. Она не взяла.

Юлия сидела в комнате, не трогая документы. Хороший признак. Клиент, который не пытается поправить свою папку, обычно боится потерять правду, а не впечатление.

Кофе поднялся, Надя сняла турку с огня, перелила в две разные чашки. Себе - в старую белую с отбитыми краями. Юлии - в синюю, без трещин. Подумала, что это уже жест, и разозлилась на себя.

Когда она вернулась, Юлия смотрела на телефон Нади. Экран светился.

- Там опять, - сказала она.

Надя поставила чашки.

На экране было новое уведомление.

Входной случай Антипов С. В. связан с маршрутом 10-ПВ.

Рекомендуемый формат: личное ознакомление субъекта Климова Н. А. в Северном центре последнего доступа.

Выезд к Антипову С. В. до ознакомления может исказить модель.

Юлия прочитала вслух последние слова и побледнела сильнее.

- Какую модель?

Надя взяла телефон. На этот раз не перевернула экраном вниз. Положила рядом с документами так, чтобы уведомление было видно.

- Мою.

- Вашу?

- Да.

- Я не понимаю.

- Это нормально. Хуже, когда люди быстро начинают понимать чужие безумные правила и жить внутри них как дома.

Юлия провела ладонью по лицу. Кофе она не тронула.

- Мне уйти?

Надя посмотрела на неё почти строго.

- Нет.

- Но если из-за меня...

- Юлия, из-за вас ваш отец может остаться живым в документах. Это уже достаточно веская причина посидеть на стуле.

Телефон опять дрогнул.

Надя не посмотрела.

- Скажите ещё раз: кто видел отца в момент последнего входа?

- По журналу - специалист по сопровождению доступа. Но подпись там не фамилия. Код.

- Какой?

Юлия нашла лист, положила перед ней.

Надя увидела код и почувствовала, как день окончательно потерял видимость случайности.

ПВ-10/КНА-подг.

Юлия не понимала, что это значит. Надя понимала достаточно.

КНА.

Климова Надежда Александровна.

Подготовительная.

Надя достала из ящика прозрачный файл, положила туда распечатку с кодом и только потом взяла кофе.

Он уже остыл.

- Что это? - спросила Юлия.

- Не ваш отец начал это дело, - сказала Надя. - Ваш отец просто первый живой человек, которого они поставили перед моей дверью.

- А вы?

Надя выпила холодный кофе и поморщилась.

- А я, похоже, дверь.

3. Недоступные

Морозов пришёл через сорок минут, хотя Надя ему не звонила.

Это было одновременно плохо и хорошо. Плохо - потому что система наверняка уже отметила его появление как техническое сопровождение. Хорошо - потому что Морозов хотя бы имел привычку приходить через дворы, с выключенным телефоном, в шапке, которая делала его похожим на уставшего курьера с незаконным дипломом. На лестнице он не позвонил. Постучал два раза костяшками, потом ещё один - их старый условный знак, придуманный не от романтики подполья, а после того как домофон однажды записал голос Нади и предложил ей подтвердить доставку, которой не было.

Надя открыла.

- Я не вызывала технического хранителя.

- А я не пришёл. Я материализовался как бытовая плесень. Её в протоколы редко вносят.

- Ошибаешься. В этой серии уже всё вносят.

Морозов прошёл в прихожую, снял мокрую куртку и завис, увидев Юлию Антипову. Юлия сидела у стола с таким лицом, будто за последний час поняла: реальность не сломалась, она всегда была такой, просто ей раньше не выдавали распечатки.

- Клиент? - спросил Морозов.

- Зеркало, - ответила Надя.

- Ненавижу твои жанровые уточнения.

Он сел не за стол, а на подлокотник кресла. Ноутбук не открыл. Это было первое правильное действие за день. Вместо ноутбука достал маленький блокнот в серой обложке и ручку, которую наверняка украл у какого-нибудь ведомственного окна. Морозов пользовался бумагой только в двух случаях: когда хотел казаться безобидным и когда боялся, что техника уже смотрит на него раньше, чем он на неё.

- Рассказывайте, - сказал он Юлии. - Только без «я в этом ничего не понимаю». Это мы все поняли. С фактами.

Юлия посмотрела на Надю.

- Он всегда так?

- Нет, - сказала Надя. - Иногда хуже.

Морозов довольно кивнул.

Юлия рассказала заново. На втором пересказе из истории ушла лишняя паника и появились полезные углы: смена администратора в «Северной гавани» две недели назад; новый терминал, который поставили «по программе удобного доступа»; санитар по имени Руслан, который вдруг стал очень внимателен к Антипову за день до последнего входа; звонок из неизвестного номера, где Юлии предложили «не конфликтовать с порядком участия», потому что отец якобы сам всё решил; банк, который перестал давать сведения по старой доверенности на оплату пансионата.

Морозов записывал быстро. Ручка скрипела по бумаге.

- Терминал чей?

Юлия подвинула фотографию.

Морозов взглянул и криво усмехнулся.

- Родственники наших любимых безымянных серых людей. Логотип другой, кишки те же.

- Подрядчик? - спросила Надя.

- Слой. Они теперь не работают одним подрядчиком. После Садовой расплозились, как тараканы при включённом свете. Юрица разные, сервисы разные, договоры разные. Но если посмотреть на сертификаты, обновления и стиль ошибки, там одна школа. Видишь?

Он всё-таки потянулся к ноутбуку, но остановился. Пальцы зависли над замком.

Надя заметила.

- Что?

- Если я сейчас полезу в логи, это будет техническим вмешательством.

- Возможно.

- Если не полезу, мы слепые.
- Не полностью. У нас есть человек, который злится.

Юлия подняла голову.

- Отец?
- Да.

Морозов посмотрел на Надю с раздражением и уважением одновременно.

- Ты предлагаешь начать с живого субъекта, пока я не стал отмычкой.
- Я предлагаю не кормить модель тем, что она ждёт.
- Неприятно, когда ты права до того, как я успел что-нибудь испортить.

Телефон Нади лежал на столе между ними. Экран был тёмный, но все на него поглядывали. Предмет в комнате получил статус третьего собеседника, и это было гадко. Надя взяла телефон и убрала в металлическую коробку из-под печенья, где раньше хранила старые флешки. Крышка закрылась с сухим щелчком.

- Так лучше? - спросила Юлия.
 - Нет, - сказал Морозов. - Но красивее. Фольклор против инфраструктуры.
- В дверь снова постучали.

На этот раз без кода. Тяжело, костяшками, с коротким раздражением.

- Вот и служебное давление, - сказала Надя.

Суханов вошёл, не дожидаясь приглашения после того, как она открыла. Вода стекала с его пальто на пол. Лицо было серым, не выспавшимся, злым. Он посмотрел на Юлию, на Морозова, на стол с документами, на металлическую коробку, потом на Надю.

- У меня официальный запрет на сопровождение тебя по 10-ПВ, - сказал он вместо приветствия.

- Поздравляю.
- Не начинай. Там формулировка такая, что хочется найти автора и провести с ним профилактическую беседу старым табуретом. «Вмешательство служебного лица может повлечь искажение субъектного входа». Я, значит, теперь искажение.

- Ты давно.
- Климова.
- Что?
- Не сегодня.

Надя кивнула. Он был прав. Сегодня шутки могли быть только короткими, чтобы не стать способом не смотреть.

Суханов снял пальто, не спрашивая, куда. Повесил поверх Надиных вещей. Увидел распечатку Антипова, взял, прочитал.

- Живой?
- Живой, - сказала Юлия. - Плохо говорит, но живой.
- Это иногда мешает документам, - сказал Суханов.

Юлия не поняла, шутит он или нет. Надя тоже не всегда понимала.

Суханов сел напротив неё.

- Игорь Михайлович Суханов. Следователь. Сейчас, если верить новым красивым бумажкам, потенциальный источник служебного давления, поэтому я вас официально никуда не веду, ничего не обещаю и вообще зашёл погреться.

- Вы можете помочь отцу?

Суханов посмотрел на Надю. Потом снова на Юлию.

- Могу сделать хуже тем, что начну помогать неправильно. Поэтому сначала слушаю.

Это было новое. Суханов, который сначала слушает. Система, возможно, недооценила, как сильно старые люди могут злиться на попытку объяснить им их силу.

Юлия снова пересказала историю. К третьему разу в ней появился ещё один факт: в день последнего входа ей не пришло обычное уведомление о занятии отца. Пансионат присылал такие каждый день - шаблонные, с фотографией или без: «Сергей Викторович принял участие в занятии», «Сергей Викторович отказался от прогулки», «Сергей Викторович передаёт привет». В тот день ничего не пришло. А на следующий день пришёл сразу отчёт за два дня, где фраза про терминал была вставлена между «обед» и «дыхательная гимнастика».

- Покажите, - сказал Морозов.

Юлия протянула телефон.

Морозов взял его осторожно, как чужую рану. Не подключал, не копировал, просто смотрел глазами. Потом положил на стол.

- Шаблон менялся.

- В смысле? - спросила Юлия.

- В обычных отчётах кавычки русские, время через точку, подпись администратора словами. В отчёте за эти два дня кавычки прямые, время через двоеточие, подпись кодом. Это не их внутренняя программа формировала. Вставка пришла снаружи.

Суханов хмыкнул.

- Вот видишь, можешь быть полезным без того, чтобы лезть в кишки.

- Не привыкайте, мне больно.

Надя достала телефон из коробки. Экран загорелся сразу, будто он не ждал, а терпел.

Зафиксировано присутствие служебного лица Суханов И. М.

Рекомендация: исключить влияние на субъектный маршрут.

Ниже:

Зафиксировано присутствие технического специалиста Морозов.

Рекомендация: ограничить доступ к цифровым средствам до личного ознакомления.

Ещё ниже:

Входной случай Антипов С. В. доступен для ознакомления в Северном центре последнего доступа.

Суханов прочитал и тихо сказал:

- Северный центр. Они что, вывеску уже заказали?

Морозов напрягся.

- Не смешно.

- Я и не смеюсь.

- Северный центр последнего доступа всплывал в старых маршрутах Лосева. Не как адрес. Как узел пересборки. Я думал, это условное название.

Надя вспомнила комнату 0-4 на Садовой, серый пропуск Лосева, чужой вход кодом Паши, папку «После Климовой Н. А.». Всё это ещё не успело стать прошлым. Оно лежало в конторе на столе и теперь, кажется, проросло в новую схему.

- Где он? - спросил Суханов.

Морозов пожал плечами.

- Если бы я полез...

- Не лезь, - сказала Надя.

- Я не лезу. Я страдаю профессионально.

Юлия вдруг сказала:

- В отчёте есть адрес.

Все повернулись к ней.

Она растерялась, начала листать телефон, почти уронила, поймала, открыла письмо. Внизу, в мелком сером тексте, под отказом от ответственности и строкой про обработку данных, был технический адрес отправителя. Не почтовый. Физический. Видимо, вставленный автоматически из шаблона подрядчика, который никто не должен был читать.

СПб, Лабораторная линия, д. 6, лит. Б. Архивно-технический блок.

Морозов присвистнул.

- Ну здравствуй, скучное зло.

Суханов достал телефон.

Надя резко сказала:

- Нет.

Он замер.

- Я даже не набрал.

- Ты хотел пробить адрес.

- Хотел.

- Они этого ждут.

Суханов медленно убрал телефон в карман. Лицо у него стало нехорошим.

- Я всю жизнь входил туда, куда нельзя, - сказал он тихо. - А тут, выходит, нельзя именно потому, что я могу.

В комнате никто не ответил.

Фраза легла на стол рядом с чужими распечатками и стала ещё одним предметом.

Морозов открыл блокнот на новой странице.

- Значит, так. Мы не пробиваем адрес служебно. Я не лезу в закрытые журналы. Паша не едет сюда, пока его не засчитали дверью с ногами. Риту надо подключить, но так, чтобы она не стала медицинским заверителем.

- Рита сама решит, кем она станет, - сказала Надя.

- Да. Обычно угрозой санитарному благополучию.

Суханов посмотрел на Юлию.

- Вы можете сейчас поехать к отцу?

- Да.

- Одна?

- Могу.

- Не можете, - сказала Надя. - Вы уже в маршруте. Вас могут остановить на входе, заблокировать посещение, оформить истерику, давление на пациента, попытку изменить волю. Вы сейчас для них не дочь, а фактор риска.

Юлия сжалась.

- Тогда кто?

Надя не ответила сразу.

Вопрос был правильный и плохой. Кто может поехать к живому человеку так, чтобы не стать входом вместо него? Не дочь. Не следователь. Не технический специалист. Не Паша. Не Надя, если её выезд уже назван искажением модели.

Телефон в коробке снова завибрировал, глухо, как насекомое под стаканом.

Надя открыла крышку.

Рекомендуемый порядок: субъект Климова Н. А. прибывает в Северный центр последнего доступа.

После ознакомления возможен контролируемый контакт с Антиповым С. В.

- Контролируемый, - сказала она.

- Они хотят сначала тебя, - сказал Морозов.

- Нет. Они хотят, чтобы я хотела сначала Антипова.

Суханов нахмурился.

- Объясни.

Надя смотрела на карточку.

- Если я еду к нему, я искажаю модель. Если не еду, я бросаю живого человека. Если отправляю вас, вы становитесь давлением. Если Морозова - вмешательством. Если Юлию -

эмоциональным фактором. Любой ход кормит их. Значит, первый правильный ход не туда и не сюда.

- А куда? - спросила Юлия.

Надя закрыла коробку.

- К тому, кто уже мёртв и поэтому не сможет испортить маршрут новым действием.

Суханов понял первым.

- Лосев.

- Лосев, - сказала Надя. - Он видел этот центр раньше нас. И если его телефон боялся ответить за него, значит, где-то он оставил место, где телефон не отвечает.

Морозов медленно улыбнулся.

- Бумага.

- Бумага, - подтвердила Надя. - И Марта.

4. Бумага Лосева

Марта Лосева приехала без зонта.

Волосы у неё промокли, тушь легла под глазами серыми тенями, но лицо было собранное, злое, почти спокойное. После девятой книги она перестала выглядеть как женщина, у которой умер муж. Это было слишком простое описание. Она выглядела как человек, у которого смерть мужа попытались отобрать и выдать обратно по расписке.

Рита привезла её сама. Не потому что Марте нужен был сопровождающий, а потому что Рита, судя по лицу, решила: если ещё один представитель какой-нибудь мягкой служебной структуры назовёт эту женщину ограниченно достоверной, она ограничит ему дыхание. В прихожей Рита сняла ботинки, оставила мокрые следы и сразу сказала:

- Если это опять ваша цифровая хрень, я сегодня в ней кого-нибудь похороню без заключения.

- Доброе утро, Римма Викторовна, - сказал Морозов.

- Морозов, не лезь под руку. Я не выспалась и гуманизм у меня на профилактике.

Юлия Антипова смотрела на новых людей с тем испугом, который появляется, когда беда вдруг оказывается частью большой чужой беды. Ей казалось, наверное, что отец, пансионат и терминал были центром мира. И это было справедливо. Для каждого человека его живой отец, которого уже закрыли в документах, был центром мира. Просто рядом внезапно обнаружилась карта, где таких центров много, и все они соединены тонкими серыми линиями.

Марта положила на стол коричневый конверт.

- Я не знаю, важно ли это.

Надя посмотрела на конверт.

- Обычно с этой фразы начинается что-то неприятное.

- Тогда важно.

Конверт был старый, плотный, с загнутым углом. На нём рукой Лосева было написано: «Если 9-ДЛ не остановится». Ниже - ещё строка, уже другим нажимом, будто он долго думал, стоит ли добавлять: «Не телефону».

Марта провела пальцем по этой строке.

- Я нашла это вчера ночью. В коробке с его бумажными книгами. Он вообще почти всё перевёл в цифру, а книги держал как пыльный музей. Я думала, там квитанции или его странные закладки. А там это.

Рита стояла рядом с ней и молчала. Для Риты молчание было почти формой подписи.

Надя не стала открывать конверт сразу. Посмотрела на Марту.

- Вы читали?

- Нет.

- Почему?

Марта горько усмехнулась.

- Потому что там написано «не телефону». А я теперь, когда вижу запрет мёртвого человека, стараюсь не помогать живым его нарушить.

Надя кивнула.

Правильный ответ. Не красивый. Правильный.

Суханов достал перчатки из кармана, потом посмотрел на Надю и убрал обратно.

- Это не обыск, - сказал он себе, но вслух.

- И не выемка, - добавила Надя.

- Не провоцируй. Я и так держусь на честном слове и ненависти.

Она взяла конверт. Бумага была сухая, хотя Марта промокла насквозь. Значит, несла под одеждой. Не доверила сумке. Надя вскрыла край аккуратно, ножом для писем, который когда-то купила для красоты и почти сразу начала использовать как обычный нож, потому что в её жизни всё красивое быстро получало рабочие царапины.

Внутри лежали четыре листа и маленькая карта памяти, приклеенная бумажным скотчем к обложке старого блокнота. На первом листе была не исповедь. Не письмо жене. Не драматическое «если вы это читаете». Лосев оставался архивистом даже перед собственной гибелью.

Маршруты временного представительства. Узел 10-ПВ. Черновой перечень соответствий.

Морозов наклонился ближе, но ноутбук не открыл.

- Умница, Илья Аркадьевич, - сказал он тихо. - Покойный, но умница.

Марта вздрогнула на имени, но не попросила не говорить.

Надя разложила листы.

Первый был таблицей. Слева - старые маршруты: 1-СЕТЬ, 2-ПИСЬМО, 3-ХР, 4-ОН, 5-ЧТ, 6-ЧР, 7-СВ, 8-КП, 9-ДЛ. Справа - тип последнего действия: активность, обращение, хранение, наблюдение, чтение, редактирование, свидетельство, подтверждение, доверенное действие. Внизу стояла строка, обведённая от руки:

10-ПВ - завершение субъекта через личный или архивный вход.

Юлия тихо сказала:

- Это всё было до моего отца?

- Да, - ответила Надя. - Но ваш отец показывает, что они теперь пробуют это на живых до смерти.

Рита выругалась коротко и без украшений.

Суханов взял второй лист. На нём были адреса и коды. Садовая, 55. Комната 0-4. Старый архивный блок на Лабораторной линии. Ещё два места, незнакомые Наде. Рядом с Лабораторной линией Лосев поставил пометку: «Северный центр последнего доступа. Не основной. Сборка спорных».

- Сборка спорных, - повторил Суханов. - Прямо завод по производству чужих жизней.

- Не завод, - сказал Морозов. - Узел. Туда свозят не всех. Только тех, кого нельзя закрыть простым маршрутом. Конфликтных. Живых, спорящих, недоступных, с плохими родственниками, с сильными свидетелями, с цифровым шумом.

Рита посмотрела на него.

- Морозов, когда ты говоришь «цифровой шум», мне хочется дать тебе живой подзатыльник. Чтобы баланс был.

- Записываю как медицинскую рекомендацию.

Надя читала третий лист.

Он был страшнее первых двух, потому что там почти не было схем. Только короткие примечания Лосева.

«9-ДЛ может не остановиться на доверенном лице. Следующий контур убирает посредника и собирает субъекта по архивному следу».

«Климова Н. А. вероятный конфликтный субъект. Высокая плотность вмешательств в последние действия. Для них она не противник, а обучающий массив».

«Если маршрут 10-ПВ активируется, прямое сопровождение станет ловушкой. Не давать телефону отвечать. Не давать живым становиться ключами».

Надя остановилась на последней фразе.

Не давать живым становиться ключами.

Паша не вход. Суханов не пропуск. Рита не печать. Морозов не отмычка. Костя не старый ключ. Марта не вдова ограниченной достоверности. Юлия не эмоциональный фактор. Антипов не завершённая запись.

Все эти фразы были ещё не выводом. Они были будущей болью.

Марта сказала:

- Он знал про вас.

- Да.

- И не пришёл раньше.

Надя подняла глаза.

Марта не обвиняла. Или обвиняла, но не только Надю. Мёртвого мужа тоже. Себя. Всех, кто жил рядом с бумажками и думал, что ещё есть время.

- Возможно, не мог, - сказала Надя.

- Возможно, боялся.

- Это тоже форма «не мог».

Марта кивнула, но легче ей не стало.

Морозов наконец взял карту памяти. Держал её на ладони, не вставляя никуда.

- Вот это сейчас самая грязная конфета в комнате.

- Не трогай, - сказала Надя.

- Я и не трогаю. Я страдаю глазами.

- Что может быть на ней? - спросила Юлия.

- То, что Лосев не доверил телефону, - ответил Морозов. - Логи, копии карточек, сканы, может быть, видео. Может быть, пустота. Архивисты иногда кладут пустоту как сигнал, но это обычно у совсем испорченных профессионалов.

Рита хмыкнула.

- У нас тут все испорченные профессионалы. Открывать как будем?

Надя посмотрела на карту памяти. Потом на металлическую коробку с телефоном. Потом на людей в комнате. Слишком много глаз. Слишком много желаний сделать полезное. Слишком много способов стать чужим входом.

- Не здесь.

Морозов нахмурился.

- А где?

- В месте, которое не связано с моим маршрутом, твоими устройствами, Пашиным статусом, Сухановским доступом и Ритиной экспертизой.

- На Марсе?

- В библиотеке.

Все посмотрели на неё.

Надя взяла четвёртый лист. Он был сложен отдельно. На нём Лосев написал адрес районной библиотеки на Петроградской стороне и фамилию: Веденева Л. П. Без должности. Ниже: «читальный зал. Старый терминал. Только просмотр. Без копирования. Бумага рядом».

Морозов медленно поднял брови.

- Архивист оставил цифровой след в месте, где нельзя нормально пользоваться цифровым следом. Красиво.

- Не красиво, - сказала Марта. - Он так делал, когда боялся.

Эта фраза погасила весь технический восторг.

Суханов посмотрел на часы.

- Библиотека сейчас открыта.

- Ты не едешь, - сказала Надя.

- Я понял уже, что я теперь красивый шкаф с удостоверением.

- Ты остаёшься с Юлией.

Юлия вздрогнула.

- Со мной?

- Вы поедете к отцу. Не как попытка изменить его решения. Как дочь на обычное посещение. Игорь Михайлович не пойдёт внутрь. Он будет рядом, но не как служебное лицо. Если вас не пустят, он ничего не будет пробивать. Только зафиксирует отказ.

Суханов помрачнел.

- Ты сейчас просишь меня стоять у двери и ничего не делать.

- Да.

- Мерзость какая.

- Зато полезно.

- Не факт.

- Факт подтвердит Антипов, если его пустят к собственной жизни.

Юлия смотрела то на Надю, то на Суханова.

- А если он скажет, что правда всё подписал?

- Тогда это тоже будет факт, - сказала Надя. - Не их трактовка.

Паша бы услышал эту фразу. Паша был сейчас где-то снаружи, отрезанный правильнее всех. Надя почти взяла телефон, чтобы написать ему, и не взяла.

Не кормить модель.

Рита скрестила руки.

- А я?

- Ты с Мартой.

- В библиотеку?

- Нет. В морг.

Марта резко подняла голову.

Надя говорила аккуратно, но без мягкой ваты.

- Если после записи Лосева начнут пересматривать, его тело могут снова сделать объектом. Надо успеть вернуть ему статус человека раньше, чем они придумают новую формулировку.

Рита кивнула.

- Вот это я умею. Тело - не интерфейс, оно не обязано быть удобным.

Марта закрыла глаза. На этот раз не от боли, а чтобы удержаться в ней ровно.

Морозов поднял карту памяти.

- Значит, в библиотеку идём мы с тобой.

- Нет.

Он застыл.

- В смысле нет?

- Я иду одна.

- Надя, это тупо.

- Возможно.

- Нет, не возможно. Точно. На карте может быть что угодно. Шифрование, ловушка, маяк, файл с автозапуском, старая зараза, новая зараза, цифровой аналог дохлой крысы в вентиляции.

- Поэтому я не буду её вставлять в свой компьютер.

- Ты не знаешь, что искать.

- Знаю. Не ответ.

Морозов раздражённо встал.

- Обожаю, когда ты говоришь так, будто смысл заменяет инструкцию.

- Сейчас заменяет. Лосев написал: «Только просмотр. Без копирования. Бумага рядом».

Значит, надо смотреть глазами и записывать рукой. Если ты пойдёшь, ты станешь техническим хранителем. Если полезешь, станешь вмешательством. Если не полезешь, будешь страдать так громко, что библиотекарша вызовет охрану.

- Я могу страдать тихо.

Рита фыркнула.

- Не ври при медиках.

Морозов посмотрел на Суханова, надеясь хотя бы на старую мужскую солидарность против Надиных решений. Суханов пожал плечами.

- Она права.

- Спасибо, Игорь Михайлович, вы предали всё хакерское сословие.

- Я следователь. Я вас всех предаю по очереди.

Надя взяла карту памяти, положила в бумажный конверт, сверху написала ручкой: «Лосев. Просмотр. Не копировать». Потом добавила дату. Рука дрогнула только на последней цифре.

Телефон в металлической коробке завибрировал так резко, что Юлия вздрогнула.

Надя открыла крышку.

Новое уведомление было коротким.

Климова Н. А.

Подготовительная модель обновлена.

Внешние лица распределены по ролям.

Ниже появлялся список.

Лазарев П. И. - недоступное доверенное лицо.

Суханов И. М. - служебное давление.

Корнеева Р. В. - медицинское заверение.

Морозов - техническое вмешательство.

Костянин К. О. - исторический бытовой вход.

Лосева М. А. - эмоционально вовлечённый свидетель.

Антипова Ю. С. - родственный фактор входного случая.

В самом низу была строка, которую Надя уже ждала, но всё равно почувствовала, как внутри похолодело.

Климова Н. А. / Последний вход / подготовительная модель.

Готовность архивного входа при отказе субъекта: 63%.

В комнате стало очень тихо.

Даже Рита не выругалась сразу.

Потом Суханов медленно сказал:

- Шестьдесят три процента. Суки ещё и вежливо не округлили.

Юлия смотрела на список так, будто увидела в нём не чужую схему, а собственное будущее. Человек там уже был не человеком, а ролью рядом с чужим входом.

Марта взяла папку Лосева и прижала к груди.

Морозов тихо, почти беззлобно сказал:

- Они считают нас быстрее, чем мы успеваем отказать.

Надя закрыла крышку коробки.

- Тогда будем отказываться медленнее.

- Это как?

Она взяла конверт Лосева.

- Не реакциями. Действиями, которые не ложатся в их поля.

- Например?

Надя надела пальто.

- Библиотека. Бумага. Глаза. И никакого героизма.

Рита наконец выругалась. Тихо, с чувством.

Суханов поднялся.

- Я в пансионат. Стою у двери, ничего не делаю, ненавижу всех. Редкий день, когда мои таланты совпали с задачей.

Юлия быстро собрала свои бумаги.

Марта застегнула мокрое пальто. Рита взяла её под локоть не как больную и не как вдову, а как человека, которому сейчас нельзя дать упасть, потому что пол опять сделает из этого событие.

Морозов остался стоять посреди комнаты.

- Я точно не иду?

- Точно.

- А если ты там что-нибудь не поймёшь?

Надя посмотрела на него.

- Тогда впервые за долгое время я не сделаю вид, что понимаю.

Он хотел ответить, но не нашёл чем.

Когда все вышли, контора на секунду опустела. На столе остались три папки: Лосев, Мальцев, Садовая. Рядом лежала распечатка Антипова. Металлическая коробка с телефоном молчала. В окне мокрый двор дышал ноябрём, и город опять был похож на свидетеля, который всё видел, но не уверен, что его показания примут.

Надя закрыла дверь изнутри, повернула ключ и сразу открыла обратно.

Не потому что передумала.

Просто проверила, что дверь всё ещё открывается её рукой.

5. Только просмотр

Библиотека стояла между двумя дворами так, будто её не строили, а забыли вынести из старого города вместе с чугунной решёткой, облупленными рамами и гранитной ступенью, на которой всегда была вода. Надя пришла туда без телефона. Телефон остался у Морозова в металлической коробке, и это было почти смешно: бывшая следовательница шла в читальный зал с бумажным конвертом, паспортом и ручкой, как студентка, которую не пустили к ксероксу.

Смешно не было.

Внутри пахло пылью, мокрыми пальто и батареями, которые топили так, будто государство всё ещё пыталось доказать старому зданию свою заботу. У входа сидела женщина лет шестидесяти с лицом человека, который за жизнь видел больше чужих требований, чем книг. На столе перед ней лежал журнал посещений, не электронный, а настоящий, в клетку, с оторванным уголком на обложке. Надя посмотрела на журнал с почти нежностью.

- Фамилия? - спросила женщина.

- Климова.

- Имя-отчество полностью.

Надя назвала.

Женщина подняла глаза. Не испуганно, не узнавая. Просто на секунду задержала взгляд, как библиотекари умеют задерживать палец на карточке, где кто-то оставил слишком много пометок.

- Паспорт.

Надя положила паспорт на стол. Женщина раскрыла, сверила, записала номер от руки. Писала она медленно, аккуратными буквами, без сокращений. Каждое движение было маленьким сопротивлением скорости.

- Телефон есть?

- Нет.

Женщина посмотрела на неё снова.

- Редкий посетитель.

- Стараюсь соответствовать месту.

- У нас шутки не запрещены, - сказала женщина. - Но не поощряются.

Надя кивнула. Ей здесь почти нравилось.

Она протянула бумажный конверт. На нём стояло: «Лосев. Просмотр. Не копировать». Внутри лежала карта памяти, тонкая и чёрная, как маленький кусок чужой ошибки. Женщина не стала брать конверт сразу. Сначала достала из ящика прозрачную линейку, потом посмотрела на надпись.

- Это не к нам.

- К вам.

- У нас нет технического отдела.

- Мне и не нужен технический отдел.

Женщина вздохнула, так, как вздыхают люди, которым снова принесли современность без инструкции.

- В читальном зале есть автономный терминал для старых носителей. Без сети. Без записи. Смотрят под присмотром. Печать запрещена, копирование запрещено, фотографировать запрещено, ругаться вслух нежелательно.

- Мысленно можно?

- У нас не проверяют мысли. Пока.

Надя не улыбнулась, но запомнила женщину. Та была из породы людей, которых новая система обычно считала устаревшими: медленные, бумажные, упрямые, с плохим монитором и хорошей памятью. Именно такие иногда оказывались последними живыми перегородками между человеком и красивой автоматической мерзостью.

Читальный зал был почти пуст. Двое студентов шептались над распечатками, пожилой мужчина листал газеты с таким видом, будто сверялся не с новостями, а с собственным сроком годности. У окна стоял терминал - старый системный блок в металлическом кожухе, монитор с матовым экраном, клавиатура под прозрачной крышкой. Рядом лежал журнал использования. Надя увидела знакомую фамилию не сразу.

Лосев И. А.

Дата стояла за неделю до его смерти.

В графе «цель просмотра» он написал: «личная сверка». В графе «замечания» - одну фразу: «Бумага рядом».

У Нади стало холодно в пальцах. Она села, положила рядом блокнот и ручку. Женщина из вахты пришла следом, открыла кожух маленьким ключом и вставила карту памяти в старый переходник. Всё происходило так медленно, что у системы, если она где-то смотрела, должен был начаться зуд.

- Только просмотр, - сказала женщина.

- Я помню.

- Если носитель попросит обновить что-нибудь, соглашаться нельзя.

- Это я тоже люблю в людях.

- Что именно?

- Когда они не соглашаются на обновление, не прочитав.

Женщина фыркнула и отошла к соседнему столу. Не ушла. Осталась в трёх шагах, как положено по инструкции и по человеческому любопытству.

Экран загорелся не сразу. Сначала пошла серая строка проверки, потом открылось окно с тремя файлами. Не папка с красивым названием, не зашифрованный контейнер, не киношная загадка. Три файла с сухими именами:

READ_ONLY

LAST_ACTIONS_INDEX

K_NA_PREP

Надя некоторое время смотрела на третий файл.

K_NA.

Подготовка.

Она открыла первый.

На экране появился простой текст, будто написанный человеком, который очень хотел не оставить эмоций, но всё равно был живым.

«Если это открывает Климова Н. А., не копировать. Копия засчитывается как расширение контура. Скриншот засчитывается как фиксация внешним лицом. Передача файла техническому специалисту засчитывается как назначение хранителя. Читать глазами. Писать рукой. Если рядом Морозов - не давать ему носитель, даже если он делает лицо умнее всех».

Надя всё-таки усмехнулась.

Женщина у соседнего стола подняла глаза.

- Ругаться будете?

- Пока нет.

Она переписала фразу почти дословно. Не потому что была нужна каждая буква, а потому что Лосев оставил ей не файл. Он оставил способ не стать файлом.

Второй документ оказался таблицей. Серой, кривой, с нарушенными отступами. Видимо, её выгружали из разных систем и несколько раз спасали вручную. В первой колонке стояли типы последних действий. Во второй - формулировки. В третьей - источники пригодности. В четвёртой - отметки о спорах.

Последний вход в аккаунт.

Последнее сообщение.

Последний голос.

Последний просмотр.

Последний отказ.

Последняя доверенность.

Последнее свидетельство.

Последнее медицинское заверение.

Последний бытовой доступ.

Последний родительский запрет.

Последний вход в помещение.

Надя переписывала медленно. Рука начинала уставать, и это было правильно. Усталость руки возвращала тексту вес. Нельзя было выделить всё мышкой, нельзя было отправить Морозову, нельзя было сделать вид, что понимание наступит после копии.

В строке «последний бытовой доступ» стояла пометка: «ключ, код, допуск, привычка присутствия, старое согласие, совместное проживание, уход». Рядом - «пригодно при отсутствии прямого запрета субъекта».

Надя прижала ручку к бумаге сильнее, чем надо.

Старое согласие.

Привычка присутствия.

Какое удобное кладбище для отношений.

В строке «последний родительский запрет» было хуже. Там не было длинного списка. Только одна фраза: «запрет допускается как форма охраняемого доступа при невозможности уточнения».

Надя не стала записывать её сразу. Посмотрела в окно. За стеклом библиотечного двора мокрый снег прилипал к чёрным веткам. На подоконнике стоял засохший цветок в пластиковом горшке, и к его боку была приклеена бумажка: «Не поливать. Живой».

Она переписала строку.

Потом открыла третий файл.

K_NA_PREP.

Сначала экран показал предупреждение.

«Файл содержит подготовительную модель субъекта. Открытие субъектом не считается согласием на завершение. Открытие внешним лицом считается вмешательством».

Надя медленно поставила ручку на бумагу.

Открыла.

Таблица была короче предыдущей. И гораздо страшнее.

Климова Н. А.

Формат участия: личное.

Доверенные лица: недоступны.

Внешние подтверждающие: вспомогательно.

Собранные роли:

Лазарев П. И. - высокий внешний доступ / отказ неустойчив.

Суханов И. М. - служебный ресурс / риск давления.

Корнеева Р. В. - медицинская достоверность / эмоциональное искажение.

Морозов - технический хранитель / высокий риск обхода.

Костянин К. О. - исторический бытовой доступ / ключ.

Климова М. С. - первичный запрет / охраняемый доступ.

Лосев И. А. - посмертный маршрут / предупреждение.

Мальцев Е. - круг подтверждения / обучающий спор.

Антипов В. Г. - входной живой случай / проверка личного формата.

Надя остановилась на последней строке.

Антипов уже был в таблице.

Значит, дело Юлии не просто подвели к ней. Его уже заранее поставили в модель. Живого старика использовали как способ проверить, придёт ли Надя туда, где нельзя войти чужими руками.

Внизу файла была ещё одна строка. Она не была оформлена как таблица. Её добавили вручную.

«Если субъект начнёт отказываться от ролей через действия, а не заявления, модель ускорится. Отказ тоже действие. Учитывать».

Надя долго смотрела на эту фразу.

Вот она.

Ловушка без ловушки. Не надо было заманивать её в технический обход, подсовывать Пашу, пугать Сухановым, пачкать Риту. Достаточно было смотреть, как они отказываются, и считать отказ новым материалом.

Она записала фразу.

Ручка перестала писать на середине слова «учитывать». Надя потрясла её, провела по краю листа. Чернила пошли снова, с маленькой кляксой.

Женщина подошла.

- Всё?

- Нет.

- Время просмотра сорок минут.

- Сколько прошло?

- Сорок две.

- Вы строгая.

- Я старая. Это часто путают.

Надя закрыла файл. Экран попросил подтвердить завершение просмотра.

Она не нажала.

- Если я не подтверждаю?

Женщина наклонилась к экрану.

- Тогда оно само закроется через минуту.

- А если подтверждаю?

- Тогда будет запись, что вы завершили просмотр.

Надя отодвинулась от клавиатуры.

- Пусть само.

Женщина посмотрела на неё внимательнее.

- У вас что-то серьёзное?

- У всех, кто приходит в библиотеку без телефона, обычно что-то серьёзное.

- Неправда. Иногда у них просто украли телефон.

- И это тоже серьёзно.

Женщина забрала карту памяти, положила обратно в конверт и не сразу отдала. Достала из нижнего ящика ещё один тонкий бумажный пакет, старый, жёлтый по краям.

- Лосев просил передать, если придёте вы. Только если лично. И без сопровождающих.

Сказал: «Она поймёт, почему это звучит мерзко».

Надя взяла пакет.

На нём почерком Лосева было написано:

«Не открывать в зале. Там, где дверь закрывается вашей рукой».

Она хотела спросить, что Лосев говорил ещё. Каким голосом. Дрожали ли у него руки. Боялся ли он. Потом не спросила. Библиотекарша была не свидетелем для допроса. Она уже сделала больше, чем должна была.

- Спасибо.

- Это не я, - сказала женщина. - Это журнал. Он помнит лучше людей.

Надя вышла на улицу с блокнотом под пальто и конвертом во внутреннем кармане. Телефона у неё не было. Никто не мог позвонить, написать, прислать служебную карточку, сообщить, что её отказ обновлён и распределён по ролям. Город на несколько минут стал только городом: мокрый снег, автобусная остановка, женщина с пакетом мандаринов, мальчик, который тащил за собой рюкзак по лужам.

Свобода без уведомлений оказалась не светлой.

Просто более тихой.

На углу Надя остановилась у закрытого магазина, где в мутном стекле отражалась её фигура. Достала бумажный пакет Лосева, не вскрывая, подержала в руке.

Дверь библиотеки за её спиной закрылась медленно и тяжело.

Её рукой она уже не открывалась.

6. До личного контакта

Пансионат назывался «Сосновый берег», хотя берега рядом не было, а сосны росли в количестве трёх штук за забором, между парковкой и мусорными контейнерами. Название выглядело как попытка успокоить родственников до того, как они увидят линолеум, пандус с солью, вахтёршу за стеклом и телевизор в холле, где без звука шёл дневной сериал про людей, у которых тоже всё было плохо, но хотя бы с макияжем.

Суханов приехал раньше Юлии. Не потому что торопился. Просто он не любил входить в такие места вместе с родственниками. Родственники сразу начинали смотреть на него как на дверь, справку, угрозу или последнюю надежду. Ни одной из этих вещей он сегодня быть не имел права.

Он остановился у входа, сунул руки в карманы и прочитал табличку на двери.

«Посещение по предварительной записи. Представители допускаются после подтверждения статуса».

Суханов усмехнулся.

- Представители, - сказал он вслух. - Да чтоб вас всех представило где-нибудь без обратного билета.

Вахтёрша за стеклом услышала, но сделала вид, что нет. Опытная.

Юлия прибежала через пять минут, запыхавшаяся, с папкой под мышкой и лицом человека, который за последние дни слишком много бегал по местам, где ему говорили сидеть и ждать. Пальто у неё было застёгнуто криво, шарф сбился, волосы прилипли к виску.

- Я опоздала?

- Нет.

- Вы уже заходили?

- Нет.

Она посмотрела на него почти с обидой.

- Почему?

Суханов достал из кармана удостоверение, посмотрел на него, как на старую вредную привычку, и убрал обратно.

- Потому что если я сейчас зайду первым, они оформят это как служебное давление. Если зайдёте вы, они оформят родственный фактор. Если зайдём вместе, оформят групповой праздник идиотизма с риском внешнего сопровождения.

Юлия моргнула.

- И что делать?

- Стоять. Ненавидеть. Дышать.

- Это помогает?

- Нет. Но я это умею.

Она вдруг почти улыбнулась, и тут же улыбка исчезла. В таких местах люди боялись улыбаться. Им казалось, что система заметит: родственник недостаточно страдает.

Дверь открылась сама. На пороге появилась администраторка в светлом жакете, с бейджем «Ольга Сергеевна» и той самой мягкой служебной осанкой, которую Суханов за последние недели научился распознавать быстрее, чем запах перегара в дежурке. Она не была злой. Она была готовой.

- Юлия Сергеевна? Проходите, пожалуйста. Игорь Михайлович, вы можете ожидать в холле.

Суханов медленно посмотрел на неё.

- Откуда знаете, как меня зовут?

- У нас поступило уведомление о возможном служебном сопровождении.

- А о возможном мате уведомление поступало?

Ольга Сергеевна улыбнулась без участия губ.

- Мы понимаем ваше напряжение.

- Это вы зря. Моё напряжение обычно понимают уже потом, в травмпункте.

Юлия тихо сказала:

- Игорь Михайлович.

Он замолчал. Не потому что администраторка победила. Потому что Юлия стояла рядом с папкой и уже едва держалась. Если он сейчас полезет в привычную силу, система получит ровно то, что ждёт.

- Я в холле, - сказал он. - Ничего не делаю. Это важно зафиксировать.

Ольга Сергеевна кивнула.

- Конечно.

- Нет, - Суханов наклонился к стеклу вахты. - Вот вы, уважаемая, запишите. Следовательно Суханов Игорь Михайлович находится в холле, действий не осуществляет, указаний не даёт, физического и процессуального давления не оказывает, матерится в пределах личной гигиены.

Вахтёрша посмотрела на него поверх очков.

- Последнее писать?

- Обязательно.

Она взяла ручку.

Ольга Сергеевна впервые потеряла гладкость на полсекунды.

Юлию повели по коридору. Суханов остался в холле. Холл был устроен так, чтобы родственники чувствовали себя почти виноватыми за само присутствие: мягкие кресла из кожзама, кулер, стойка с брошюрами «Забота без тревоги», стенд с фотографиями улыбающихся стариков. На одной фотографии мужчина в клетчатой рубашке держал кисточку и рисовал море. Суханов подумал, что если бы его когда-нибудь заставили рисовать море для стенда, он бы нарисовал протокол вскрытия.

Телефон в кармане завибрировал.

Он не достал.

Завибрировал снова.

- Да пошли вы, - сказал Суханов телефону, но тихо.

Через стеклянную дверь в конце коридора было видно комнату связи. Не палату. Не кабинет врача. Именно комнату связи: стол, два стула, камера под потолком, терминал на стойке, зелёная лампочка записи. Юлия сидела на одном стуле, на другом - её отец.

Виктор Григорьевич Антипов оказался меньше, чем Суханов ожидал. Не старше - именно меньше. Люди в таких местах уменьшались не телом, а правом занимать пространство. На нём был серый свитер, чужие тапочки и выражение лица, в котором злость ещё жила, но ходила медленно.

Юлия наклонилась к нему. Камера над ними мигнула.

Ольга Сергеевна стояла у стены и что-то отмечала в планшете.

Суханов поднялся.

Вахтёрша кашлянула.

- Вы же действий не осуществляете.

- Я встал.

- Это действие.

Он посмотрел на неё. Она выдержала взгляд спокойно.

- Садитесь, - сказала она. - Там дочь. Пусть дочь.

Суханов сел.

За стеклом Юлия что-то говорила отцу. Тот слушал, потом медленно поднял голову к камере.

Ольга Сергеевна включила громкую связь в холле. Видимо, так было положено: внешнее лицо могло слышать, но не участвовать. Удобная попытка.

Голос Антипова был хриплый, сухой.

- Юлька, ты чего как на похоронах?

Юлия закрыла рот рукой.

- Пап, ты помнишь, что ты подписывал в четверг?

- В четверг?

- Тебя возили в центр. Или кабинет. Ты говорил про какой-то доступ.

Антипов поморщился.

- Меня возили не в центр. В серую комнату.

Ольга Сергеевна мягко вмешалась:

- Виктор Григорьевич, серой комнаты у нас нет. Возможно, вы имеете в виду отделение функциональной оценки.

Антипов повернул к ней голову.

- Девочка, я семь лет в ЖЭКе работал. Я серую комнату от функциональной оценки отличу, даже если вы её духами польёте.

Суханов в холле тихо сказал:

- Красавец.

Вахтёрша записала что-то в журнал.

Юлия почти плакала, но держалась.

- Пап, ты закрывал доступ?

- Нет.

- Тебе давали планшет?

- Давали.

- Ты нажимал что-то?

- Я толкнул дверь.

Ольга Сергеевна подняла глаза от планшета.

Юлия не поняла.

- Какую дверь?

Антипов посмотрел на свои руки. Пальцы у него были толстые, с желтоватыми ногтями, кожа сухая, на костяшке старый порез.

- Там дверь была тяжёлая. С железной полосой. Она плохо шла. Эта, в жакете, сказала: «Нужно последнее подтверждение присутствия». Я говорю: какое подтверждение, я вот он. Она сказала: «Просто войдите». Я вошёл. Они что-то пикнули. Потом сказали, что всё завершено.

Юлия побледнела.

Суханов медленно встал снова.

Вахтёрша не сказала ничего.

Ольга Сергеевна быстро подошла к столу.

- Виктор Григорьевич, вы сейчас можете путать обстоятельства. Вы были у нас на плановой оценке самостоятельности. Никаких решений имущественного или представительского характера вы не принимали.

Антипов вдруг усмехнулся.

- А я и не говорил, что принимал. Я говорил, что вошёл.

Юлия схватилась за край стола.

- Пап, кто был с тобой?

- Женщина.

- Какая?

- Тихая. Не эта. Постарше. С волосами такими... - он провёл рукой у щеки. - Как у учительницы, которая уже не верит в детей, но программу сдаст.

Суханов запомнил фразу. Старики иногда давали такие ориентировки, что криминалисты потом курили от зависти.

- Имя было? - спросила Юлия.

- На бумажке. Инна... то ли Валерьевна, то ли Валерьяновна. Я ещё подумал, валерьянка бы ей не помешала. Очень спокойная.

В холле стало тихо.

Суханов достал телефон. Теперь можно было. Это уже был факт, не действие вместо.

На экране висело непрочитанное уведомление от Морозова:

«Если услышишь фамилию Селиванова - не матерись сразу. Сначала запиши».

Суханов посмотрел на стекло.

- Поздно, - сказал он.

Ольга Сергеевна отключила громкую связь.

Суханов двинулся к двери.

Вахтёрша подняла ручку над журналом.

- Записывать действие?

Он остановился.

Внутри всё привычно пошло вперёд: открыть, войти, прижать администраторку к стене не руками, а удостоверением, вытащить маршрут, журнал, фамилию, подпись, приказ, машину, водителя. Сделать то, что он умел. То, что система ждала.

За стеклом Юлия сидела рядом с отцом. Антипов взял её за руку. Живой человек, которого уже почти закрыли дверью.

Суханов медленно выдохнул.

- Не записывать.

- Вы не пойдёте?

- Нет.

- Почему?

Он посмотрел на вахтёршу.

- Потому что я всю жизнь входил туда, куда нельзя. А тут нельзя именно потому, что я могу.

Вахтёрша кивнула так, будто поняла слишком хорошо.

Через десять минут Юлия вышла сама. Лицо у неё было белое, но уже не пустое. В руке она держала лист с подписью отца. Не заявление, не доверенность, не отказ. Две строчки, написанные неровным стариковским почерком:

«Я, Антипов Виктор Григорьевич, жив. В четверг я входил в серую комнату, но не закрывал свои дела. Дверь не является моей волей».

Суханов взял лист за край.

- Хорошо.

Юлия посмотрела на него.

- Это поможет?

- Не знаю.

- Тогда зачем?

- Потому что он написал сам.

Она кивнула.

У выхода Ольга Сергеевна догнала их.

- Юлия Сергеевна, я обязана предупредить: самостоятельные записи Виктора Григорьевича могут быть признаны эмоционально индуцированными в присутствии родственника.

Юлия сжала папку.

Суханов повернулся.

Он не повышал голос. От этого стало хуже.

- Ольга Сергеевна, я тоже обязан предупредить: если самостоятельную запись живого человека вы сейчас попытаете превратить в симптом, я сяду в холле, закажу себе пиццу и буду оформлять ваше учреждение по каждой щели, пока у вас даже фикус не начнёт давать объяснения.

Она посмотрела на вахтёршу.

Та уже писала.

- Что вы записываете? - спросила Ольга Сергеевна.

- Предупреждение, - сказала вахтёрша. - Он же обязан.

Суханов впервые за день улыбнулся.

На улице Юлия прижала лист к груди.

- Он жив, - сказала она.

- Да.

- Это звучит глупо. Я знаю.

- Нет.

Телефон Суханова завибрировал снова. На этот раз он достал его при Юлии.

Короткая служебная карточка.

Антипов В. Г.

Личный контакт состоялся.

Автоматическое завершение приостановлено.

Родственное сопровождение: повышенный риск.

Служебное давление: ожидается.

Субъект Климова Н. А.

Архивная модель обновлена.

Готовность архивного входа при отказе субъекта: 67%.

Суханов показал экран Юлии.

Она прочитала, и лицо у неё снова изменилось. Радость не исчезла. Просто рядом с ней сел страх.

- Из-за нас стало хуже?

Суханов убрал телефон.

- Из-за вас стало видно.

- А это лучше?

Он посмотрел на пансионат, на три сосны за забором, на мокрый снег, который всё ещё не решался быть снегом.

- Для начала хватит.

7. Не приложение

В морге было тепло.

Это всегда казалось Марте неправильным. Она успела за эти дни выучить много неправильного: что коридоры, где лежат мёртвые, могут пахнуть не смертью, а хлоркой, дешёвым мылом и чужими сапогами; что люди, которые говорят о теле твоего мужа, могут жевать печенье; что слово «выдача» звучит так, будто речь идёт о посылке с маркетплейса, только тяжёлой и без возврата.

Рита шла рядом и не утешала. За это Марта была ей почти благодарна. Утешение сейчас сделало бы из неё вдову, а вдовой она уже была в трёх документах, двух отказах и одной формулировке «супруга ограниченной достоверности». Ей хотелось побыть человеком, который пришёл за мужем. Даже если муж уже не мог открыть глаза, сказать «Марта, не начинай» и сделать вид, что всё под контролем, когда под контролем не было ничего.

На выдаче сидел молодой сотрудник с лицом человека, которого жизнь слишком рано научила говорить тихо. Перед ним лежала папка Лосева. Марта увидела фамилию и остановилась.

Лосев Илья Андреевич.

Не объект.

Пока просто фамилия.

- Документы, - сказал сотрудник.

Марта положила паспорт, свидетельство, справку, копию заявления, ещё одну копию, которую никто не просил, но она всё равно принесла, потому что за последние дни поняла: если у тебя нет лишней бумаги, тебя легче сделать лишним человеком.

Сотрудник сверял долго. Рита стояла чуть сбоку, руки в карманах, плечо у неё было напряжено. Она читала не документы, а сотрудника. Марта уже знала этот взгляд. Так Рита смотрела на тело перед вскрытием: спокойно, грубо, без мистики, с готовностью заметить то, что все решили пропустить.

- Есть пометка, - сказал сотрудник.

Марта закрыла глаза.

- Какая?

- Выдача была ограничена до уточнения представительского статуса.

Рита тихо сказала:

- Началось.

Сотрудник поднял глаза.

- Но ограничение снято. Сегодня в 13:42. Основание: спорность посмертного представительства, приоритет близкого лица при отсутствии действующей доверенной роли умершего.

Марта не поняла все слова сразу. Они прошли через неё, как холодная вода через ткань, и только потом смысл остался на коже.

- То есть... я могу?

- Да.

- Как жена?

Сотрудник посмотрел в экран.

- Как супруга.

Марта напряглась.

Рита шагнула ближе.

- Дальше аккуратно.

Сотрудник сглотнул.

- Без ограничительной пометки.

Рита удовлетворённо кивнула.

- Живи.

Парень не понял, но решил не уточнять.

Марта подписала журнал. Подпись вышла кривой, почти детской. Ей захотелось извиниться за неё перед Ильёй, будто он мог обидеться на неровную строчку в последнем документе, где она ещё могла что-то сделать для него.

- Личные вещи, - сказал сотрудник и достал прозрачный пакет.

В пакете были часы, ремень, ключи, телефон в отдельном опломбированном конверте, мелочь, сложенная бумажка из кармана, чёрная ручка без колпачка. Марта смотрела на вещи и не могла понять, почему именно ручка ударила сильнее всего. Наверное, потому что Илья всегда терял колпачки. Дома в ящике лежали десятки его ручек без колпачков, и она ругалась, что они пачкают всё вокруг. Теперь этот маленький бытовой бардак лежал в прозрачном пакете как доказательство, что человек когда-то спешил.

Рита указала на бумажку.

- Это смотрели?

- Опись делали, содержание не разворачивали. Она была в кармане брюк.

Марта взяла пакет. Пальцы не слушались.

- Можно?

Сотрудник кивнул.

Она раскрыла бумажку.

Там было всего несколько строк. Почерк Ильи, неровный, с резким наклоном вправо.

«Если Марта получит вещи, значит, они не успели сделать меня представителем окончательно. Не отдавать телефон первым. Сначала журнал выдачи тел. В журнале исправление. Дата не та. Подпись не моя».

Марта почувствовала, как пол уходит вниз. Не в обморок, не красиво. Просто мир на секунду стал слишком большим для ног.

Рита подхватила её за локоть.

- Сидеть.

- Я стою.

- Это временно.

Сотрудник побледнел.

- Какой журнал?

Рита уже смотрела на него так, что парень стал ещё моложе.

- Журнал выдачи тел. Бумажный. Не электронный. За дату Лосева и день до неё.

- Я не могу просто...

- Можешь позвать старшего. Можешь не звать, тогда я позову сама, но некрасиво. И не потому что я грубая, хотя я, конечно, грубая. А потому что у вас в бумаге, возможно, стоит подпись мёртвого человека под действием, которое он физически не мог совершить.

Парень встал.

- Подождите.

- Мы прям любим ждать, - сказала Рита ему в спину. - Особенно когда мёртвые у вас бегают с ручкой по журналам.

Марта села на пластиковый стул. Пакет с вещами лежал у неё на коленях. Ручка без колпачка смотрела через плёнку чёрным тонким боком.

- Он знал, - сказала она.

- Часть знал.

- Почему он мне не сказал?

Рита посмотрела на неё.

- Потому что думал, что успеет.

Это было грубо. И милосердно. Другие сказали бы: не хотел тревожить, берег, не мог. Рита сказала правду, в которой хотя бы не было украшений.

Старшая пришла через семь минут. Полная женщина с усталыми глазами и аккуратной причёской, которую делали утром перед длинным днём. Она держалась сухо, но без служебной сладости. Это уже было хорошо.

- Римма Викторовна, я вас помню.

- Взаимно. Вы тогда не дали мне кофе и были правы.

- У нас его невозможно пить.

- В морге это почти комплимент.

Старшая посмотрела на Марту.

- Лосева Марта Андреевна?

- Да.

- Мне жаль.

Марта неожиданно поверила. Не полностью, но достаточно, чтобы кивнуть.

Журнал принесли через несколько минут. Большой, с серой обложкой, тяжёлый. Бумага в нём была плотная, клетки бледные, записи шли разными руками. Старшая раскрыла нужную страницу.

Лосев И. А.

Дата выдачи стояла позавчерашняя.

То есть тогда, когда тело ещё не выдавали.

В графе «представитель/получатель» была подпись.

Лосев.

Марта смотрела на неё долго.

Это было не похоже на его подпись. Не совсем. Тот, кто подделывал, знал форму, наклон, первую букву. Но не знал раздражения, с которым Илья всегда заканчивал последнюю петлю, будто подпись ему надоела раньше, чем строка.

- Не его, - сказала Марта.

Рита наклонилась.

- Согласна.

Старшая молчала.

- Кто внёс? - спросила Рита.

- По журналу - ночной сотрудник.

- Он где?

- Уволился вчера.

Рита закрыла глаза.

- Ну конечно. Было бы странно, если бы он сейчас сидел в ординаторской с табличкой «я подделал мёртвого Лосева».

Старшая не улыбнулась.

- Я сниму копию страницы.

- Не надо, - резко сказала Марта.

Все посмотрели на неё.

Она сама удивилась своему голосу.

- Копию нельзя первой. Он написал: сначала журнал.

Рита кивнула сразу. Поняла.

- Тогда осмотр страницы при свидетелях. Фиксируем словами. Без копирования до отдельного решения.

Старшая медленно выдохнула.

- Хорошо.

Они составили акт вручную. Рита диктовала сухо и точно: номер журнала, страница, строка, дата, несоответствие фактической выдаче, сомнение в подписи. Марта подписалась как присутствующее лицо. Не как вдова. Не как истеричная родственница. Как человек, который видел бумагу.

Когда всё закончилось, сотрудник вынес ещё один лист.

- Только что пришло по внутренней системе.

Рита взяла первой, прочитала, протянула Марте.

Лосев И. А.

Статус посмертного представительства: спорный.

Выдача тела близкому лицу разрешена.

Лосева М. А.

Статус: живой свидетель.

Эмоциональная вовлечённость: сохраняется.

Марта прочитала два раза.

- Они всё равно оставили.

- Конечно, - сказала Рита. - Они же не люди, они грибок. Даже если содрать, споры останутся.

- Живой свидетель, - Марта провела пальцем по строке.

Рита посмотрела на неё сбоку.

- Это лучше, чем приложение к их версии.

Марта сложила лист и убрала в папку. Потом взяла пакет с вещами Ильи.

- Я хочу его забрать.

- Заберёшь.

- Не тело. Его.

Рита некоторое время молчала.

- Да, - сказала она потом. - Насколько это вообще возможно в этом кривом мире. Заберёшь его, а не их объект.

Когда они вышли на служебный двор, снег уже стал гуще. Машина похоронной службы стояла у ворот, водитель курил и смотрел в телефон. Обычный мужчина, обычная сигарета, обычная смерть, которую опять пытались провести через удобную форму.

Марта остановилась у машины.

- Илья не был представителем своей смерти, - сказала она.

Рита кивнула.

- Запомни эту фразу.

- Зачем?

- Потому что скоро её придётся повторять людям, у которых вместо ушей печати.

Марта почти улыбнулась. Почти.

Телефон Риты коротко завибрировал. Она посмотрела на экран и выругалась уже не тихо.

- Что?

Рита показала.

Служебная карточка была такой же сухой, как всегда.

Лосев И. А.

Спор посмертного представительства активирован.

Живой свидетель принят.

Корнеева Р. В. - медицинское заверение: отказ от роли.

Лосева М. А. - эмоциональная вовлечённость: сохраняется.

Субъект Климова Н. А.

Архивная модель обновлена.

Готовность архивного входа при отказе субъекта: 70%.

Марта смотрела на цифру, не понимая, почему чужая модель растёт от того, что они делают правильно.

Рита убрала телефон.

- Они жрут даже отказ.

- Что делать?

Рита затянулась сигаретой, которую только что отобрала у водителя без вопроса.

- Не кормить быстро.

- Это как?

- Надя разберётся. У неё талант портить аппетит системам.

Марта посмотрела на машину.

- А мы?

Рита выпустила дым в мокрый снег.

- А мы заберём Илью. Сначала это.

8. Бумажная скорость

Надя вернулась в Дровяной без телефона и поэтому узнала новости не сразу. Это оказалось почти роскошью. Минут двадцать город не требовал от неё реакции. Она шла с блокнотом под пальто, с бумажным пакетом Лосева во внутреннем кармане, с чужой картой памяти в конверте и чувствовала, как от мокрого снега тяжелеют волосы у шеи. Автобусы шипели у остановок, дворники соскребали с тротуаров грязную кашу, в булочной на углу выкладывали хлеб, и запах тёплой корки на секунду оказался сильнее всех служебных карточек.

Потом она открыла дверь конторы.

Морозов сидел на полу у батареи и выглядел как человек, которого посадили на диету без интернета. Рядом на ковре стояла металлическая коробка с её телефоном. Паша был у окна. Пальто он не снял, значит, пришёл недавно или не собирался задерживаться так, как ему хотелось. На столе лежали распечатки, но никто их не трогал.

- Ты жива, - сказал Морозов.

- Не вносите в систему, - ответила Надя.

Паша посмотрел на неё внимательнее.

- Как библиотека?

- Медленная. Почти святая.

- Ты принесла?

Надя положила блокнот на стол, потом карту памяти, потом бумажный пакет Лосева.

Морозов потянулся к карте.

Она посмотрела на него.

Он убрал руку.

- Я просто хотел посмотреть на объект страдания.

- Смотри издалека.

- Я уже ненавижу этот метод.

- Он работает.

- Все методы, где я ничего не трогаю, кажутся мне подозрительными.

Паша подошёл к столу. Не взял блокнот, пока она не кивнула. Это было маленькое движение, но Надя заметила. После девятой книги они оба стали осторожнее с вещами, которые можно было прочесть как разрешение.

Он листал медленно. На строке про «отказ тоже действие» остановился.

- Они считают даже сопротивление.

- Да.

- Значит, любой наш ход поднимает модель.

- Не любой. Быстрый. Ролевой. Удобный для них.

Морозов мрачно сказал:

- Обожаю, когда у врага есть философия подсчёта. Сразу хочется вернуться к нормальным преступникам. Они хотя бы тупят из жадности.

Надя сняла пальто, повесила на стул и только тогда открыла металлическую коробку. Телефон внутри был тёплый, будто всё это время работал телом. На экране висели уведомления.

Антипов. 67%.

Лосев. 70%.

Текущее состояние модели: ускорение.

Возможный переход к архивному входу при отказе субъекта: ожидается.

Надя закрыла экран.

- Новости хорошие, - сказал Морозов. - Если считать, что плохие уже наскучили.

Паша коротко пересказал пансионат. Не драматизировал. Суханов и так уже прислал голосовое, но голосовые Надя пока не слушала принципиально. Паша говорил сухо: серый кабинет, дверь как воля, Антипов жив, запись рукой, Инна Валерьевна. На имени он остановился.

- Селиванова, скорее всего.

- В библиотеке её имени не было, - сказала Надя. - Но у Лосева в индексе есть финальный координатор. Без фамилии.

- У Морозова есть.

Морозов поднял палец.

- У Морозова есть не фамилия, а грязное совпадение. Инна Валерьевна Селиванова, бывший координатор по временным представительским статусам в структуре подрядчика, потом консультант в двух медико-социальных проектах, потом исчезает из открытых контуров и всплывает в закупке по архивному сопровождению. Официально - методолог. Неофициально - человек, который объясняет людоедство словами «бережная передача воли».

Надя села.

- Где она сейчас?

- Нигде.

- Это адрес?

- Это хуже. У неё нет нормального рабочего места. Но есть упоминания в журналах доступа по трём объектам. Садовая, пансионат Антипова и ещё один адрес.

- Какой?

Морозов поморщился.

- Северная окраина. Старый архивно-технический комплекс. Формально закрыт. Формально всё у них закрыто, кроме аппетита.

Паша посмотрел на блокнот.

- Это уже не входной случай.

- Нет, - сказала Надя. - Это коридор.

Морозов кивнул на бумажный пакет.

- Открываем?

Надя достала пакет из внутреннего кармана. На нём всё ещё было: «Там, где дверь закрывается вашей рукой». Она посмотрела на входную дверь конторы. Дверь была закрыта. Она сама закрывала её, сама открыла. Ни Паша, ни Морозов не трогали замок.

- Сейчас.

Она вскрыла пакет ножом для бумаги. Внутри лежали три листа, сложенные вдвое, и маленькая фотография. Не семейная. Служебная. На фотографии был коридор с серыми стенами, металлическая дверь с наклейкой «ПВ-архив» и кусок окна, за которым висел мокрый снег или просто грязное стекло делало мир таким.

На первом листе Лосев написал:

«Последний вход не хранится в одном месте. Это не сервер. Это порядок действий. Они делают человека завершённым через последнюю пригодную роль. Если роль спорят, берут следующую. Если все роли спорят, вызывают субъект лично. Если субъект отказывается, входит архивная модель. Если субъект входит и закрывает - они получают чистое завершение. Если субъект входит и не закрывает, у них проблема».

Морозов присвистнул.

- Хорошая новость: у них проблема. Плохая: проблема - это ты.

- Не впервые, - сказала Надя.

Второй лист был таблицей. Не такой большой, как в файле, но важнее. Там Лосев руками соединял типы последних действий с делами Нади. Не по названиям книг, конечно. По внутренним кодам и коротким пометкам.

Сеть - активность после исчезновения.

Письмо - голос/сообщение после смерти.

Хранение - архивная биография.

Наблюдение - субъект К.

Чтение - право толкования.

Черновик - редактируемая версия.

Свидетель - неполный сигнал.

Круг - подтверждение через других.

Доверенное - действие вместо.

ПВ - завершение через субъект / архив.

Паша читал стоя. На строке «доверенное - действие вместо» его лицо стало неподвижным.

Надя заметила, но не стала смягчать.

- Это не ты.

- Знаю.

- Не похоже.

Он поднял глаза.

- Я знаю, что это не я. Но использовали меня.

- Да.

- Лучше.

- Что лучше?

- Когда ты не утешаешь.

- Я могу. Получится мерзко.

- Не надо.

Морозов взял третий лист, но держал за самый край, как будто бумага могла укусить. На нём было всего несколько строк.

«Климова М. С. - первый запрет. Проверить не через запись. Запись уже использовали. Искать бумажный след допуска. Костянин - не причина, а переносчик. Архипов - старый узел, осторожно. Главное: не дать им превратить мать в ключ. Мёртвые не спорят, поэтому их любят процедуры».

В комнате стало тихо.

Паша положил лист на стол.

- Мария Сергеевна.

Надя смотрела на строчку.

Мать снова вошла в комнату не голосом, не фотографией, не воспоминанием. Бумагой. Маленькой, неровной, чужой рукой. Так было даже хуже. Голос можно было выключить. Бумага лежала.

- Костянин - не причина, - сказал Морозов осторожно.

- Я вижу.

- Я просто...

- Не надо.

Он замолчал.

Паша спросил:

- Будешь открывать запись Марии?

Надя подняла на него глаза.

- Нет.

Он не удивился. И этим помог.

- Почему?

- Потому что Лосев прав. Запись уже использовали. Если я сейчас пойду туда за ответом, я сама сделаю из неё ключ.

Морозов тихо сказал:

- Тогда как проверять?

Надя взяла третий лист и положила рядом с блокнотом.

- Бумажный след допуска. Старые журналы. Кто входил. Кто получил. Кто подписал. Кто решил, что запрет можно читать как доступ.

- Это архив.

- Да.

- Архипов.

- Возможно.

Паша отвернулся к окну. За стеклом двор темнел. Вечер приходил рано, как служебный отказ.

Телефон Нади снова загорелся.

На этот раз уведомление пришло без звука.

10-ПВ.

Личный формат подтверждён.

Ролевые отказы учтены.

Нестандартные действия субъекта внесены в обучающий спор.

Переход к блоку: Архив последних действий.

Готовность архивного входа при отказе субъекта: 74%.

Надя читала, пока экран не потемнел сам.

Морозов выдохнул сквозь зубы.

- Мы подняли их на одиннадцать процентов за день.

- Нет, - сказала Надя.

- Надя, математика довольно мерзкая, но она тут простая.

- Мы не подняли. Мы заставили их показать, что они считают.

- И что дальше?

Она посмотрела на лист Лосева, на строку про мать, на фотографию серой двери с наклейкой «ПВ-архив».

- Дальше перестаём бегать за карточками.

Паша повернулся от окна.

- Идём в архив?

- Не сразу.

- Почему?

Надя закрыла бумажный пакет, хотя внутри уже ничего нельзя было спрятать обратно.

- Потому что если они ждут личный вход, сначала надо понять, что они считают последним действием. Не моим. Чужими. Всеми предыдущими.

Морозов смотрел на неё с раздражённым уважением.

- Ты хочешь разобрать их учебник.

- Нет.

- А что?

Надя взяла чистый лист и написала сверху: «Архив последних действий».

- Их память.

Паша тихо сказал:

- Память не любит, когда её спрашивают без разрешения.

- Зато любит притворяться законом.

Она положила ручку рядом.

За дверью кто-то прошёл по лестничной площадке. Шаги задержались у конторы, потом спустились ниже. Все трое посмотрели на дверь.

Надя встала и подошла первой.

Паша не двинулся.

Морозов тоже.

Она посмотрела в глазок. Площадка была пуста. На коврике лежал маленький белый конверт, уже намочивший по углам.

Надя открыла дверь, не снимая цепочку, наклонилась и подняла его двумя пальцами.

На конверте не было адреса.

Только строка, напечатанная бледно-серым:

«Для субъекта. До архивного входа».

Внутри лежала копия старого акта.

Первый вход. Климова М. С. / Климова Н. А.

Внизу, в графе «согласующее лицо», стояла фамилия Архипов.

9. Первый акт

Конверт успел намокнуть только по углам, но бумага внутри уже повела себя как живая: чуть вздулась, выгнулась, держала след чужих пальцев и сырого подъезда. Надя положила акт на стол, не разглаживая. Такие документы нельзя было гладить ладонью, как простыню после сна. Бумага любила, когда с ней обращались нежно, и тут же начинала делать вид, что от этого стала правдивее.

Паша стоял у окна. Морозов сидел на краю дивана, вытянув вперёд шею, как человек, которому запрещают трогать рану. Телефон Нади лежал в металлической коробке на шкафу. Коробка была закрыта. От этого в комнате стало странно слышно всё остальное: батарею, капли с чужих зонтов в подъезде, тяжёлое дыхание старого дома и бумажный шорох акта, когда Надя повернула его к свету.

Вверху стояло:

Первый вход. Климова М. С. / Климова Н. А.

Ниже - дата. Старая, с тем годом, который Надя помнила телом, хотя не любила называть. Тогда у неё ещё были другие сапоги, другая стрижка, другой голос в телефонной трубке. Тогда слово «доступ» означало в лучшем случае ключ от квартиры, в худшем - служебный кабинет, куда не пускают без удостоверения. Цифровое ещё не успело научиться притворяться судьбой.

- Это не современная форма, - сказал Морозов.

- Молодец, - сказала Надя. - Бумага. Чернила. Шапка в три строки. Ты справился.

- Я не об этом.

Он протянул руку, но остановил её над столом. Очень старался не выглядеть человеком, который сейчас всё равно тронет.

- Тут кодировка странная. «ПВ» тогда ещё не могло значить то, что сейчас.

Паша повернулся от окна.

- Последний вход?

- Или первичный. Или представительский. Или временный. У них всё из двух букв, потому что полные слова, видимо, могли вызвать у сотрудников мысль.

Надя взяла лупу из верхнего ящика. Лупа осталась от старого эксперта, который когда-то приносил ей документы по делу о подменённых доверенностях и потом забыл забрать. Под лупой бумага стала некрасивой, рыхлой. В строках вылезли шероховатости, микроскопические срывы печати, чужая экономия на картридже.

Графа «основание» была заполнена машинным шрифтом:

Недоступность субъекта при наличии защищаемого интереса. Временный представительский вход для предотвращения утраты воли.

Надя прочитала вслух только последние два слова.

- Утраты воли.

Паша подошёл к столу, но не сел. Он после девятой книги всё чаще оставался стоять, будто любая посадка рядом с Надей могла быть засчитана как роль.

- Мария Сергеевна была субъектом?

- В шапке две фамилии. Мать и я.

- Может, речь о ней.

- Конечно. О ней. И обо мне. Так удобнее. Сразу две недоступности в один лист.

Морозов наконец не выдержал, встал и склонился над актом.

- Дай я хотя бы сфотографирую.

- Нет.

- Надя.
- Ты сам говорил, что они считают нас быстрее, чем мы отказываемся.
- Тогда я зарисую.
- Вот это уже похоже на цивилизацию.

Он посмотрел на неё с тоской человека, которого выгнали из века обратно в карандаш. Потом достал блокнот. Рисовал он плохо, нервно, но точно: расположение граф, номера, две подписи внизу, круглая печать, фамилия Архипов в графе «согласующее лицо». Отдельно переписал все коды на полях.

Паша смотрел на печать.

- «Центр временного сопровождения». Это ещё до подрядчиков.
- До красивых интерфейсов, - сказала Надя. - Когда забота была в папке, а не в приложении.

- Ты помнишь этот центр?

Она помнила. Не место. Не вывеску. Помнила, как мать однажды сказала по телефону: «Ничего не подписывай без меня». И тут же рассмеялась, потому что сама фраза звучала глупо для взрослой дочери. Помнила, что потом мать несколько дней была недоступна. Не загадочно, не драматично. Просто телефон не отвечал, кто-то из знакомых говорил «потом объясню», в подъезде пахло краской, и Костя ходил с таким видом, будто ему доверили быть хорошим человеком без инструкции.

Надя взяла второй лист. Там был не акт, а приложение. Тонкая таблица с тремя колонками: «действие», «свидетель», «форма сохранения».

Первое действие: устный запрет.

Свидетель: Костянин К. О.

Форма сохранения: бытовой ключевой доступ.

Морозов тихо присвистнул.

- Они сделали из устного запрета ключ.
- Не они, - сказала Надя.
- Кто?
- Человек, который первым решил, что запрет можно сохранить через того, кто стоит ближе к двери.

Паша прочитал следующую строку:

- «Материнский отказ от вмешательства третьих лиц». Форма сохранения: первичный родительский контур.

Он замолчал.

Надя уже поняла. Но понимание не всегда сразу становилось мыслью. Иногда оно несколько секунд было только холодом в груди.

Мать могла пытаться закрыть Надю от чужих решений. Система научилась читать это как начало доступа. Не потому, что там сидел злодей с планом на десять лет. Скорее кто-то очень аккуратный, очень полезный и очень уверенный в процедуре однажды решил: если мать запретила третьим лицам вмешиваться, значит, нужно назначить правильное лицо для сохранения этого запрета. А потом правильное лицо стало входом. Потом вход стал маршрутом. Потом маршрут стал архивом. Потом архив научился говорить.

Паша тихо сказал:

- Ты не обязана сейчас это разбирать.
- Обязана.
- Нет.

Она подняла на него глаза.

Он выдержал.

- Я не говорю «не надо». Я говорю - ты не обязана. Это разные вещи.

Надя почти улыбнулась. У него получалось. Медленно, больно, не всегда вовремя, но получалось переставать быть функцией.

- Запиши себе на стену, Лазарев. Потом продашь как курс личных границ для следователей.

- Суханов купит первый.

- Суханов купит и придёт выбивать деньги обратно.

Морозов кашлянул.

- Простите, пока вы тут устраиваете брачный филиал прокуратуры, я нашёл неприятное.

- Не называй это так, - сказал Паша.

- Брачный филиал?

- Прокуратуры.

- Ужас, согласен. Значит, неприятное. Смотрите на код внизу: ПВ-0/КЛИМ/уч. Это не архивный номер. Это учебная пометка. «Уч.» - учебный контур. Или учетный, но я бы ставил на учебный, потому что рядом стоит «эталон». Видите?

Он ткнул карандашом в бледную строку под печатью. Надя наклонилась. Под светом настольной лампы проявлялись почти стёртые буквы:

Эталон запрета с последующим представительским чтением.

Паша выругался без звука. Только губы двинулись.

- Насколько старый документ? - спросил Морозов.

Надя назвала год.

- Тогда современных систем ещё не было, - сказал он. - Но могла быть база методических случаев. Бумажная, потом сканированная. Учебные примеры для сотрудников. Типовые сложности: отказ, смерть, конфликт родственников, недоступный субъект, ключ у третьего лица.

- И мой случай был одним из примеров.

- Возможно, не твой. Марии Сергеевны.

- Не утешает.

- Я не утешаю. Я пытаюсь быть точным, пока мне не дали в морду.

Надя перевернула лист. На обороте ничего не было, кроме следа от скрепки. Такой след бывает у старых документов, которые долго лежали в папке рядом с другими. Бумага не хранит смысл, зато прекрасно хранит давление.

Паша спросил:

- Кто принёс конверт?

- Тот, кто хотел, чтобы я увидела Архипова раньше, чем дошла до архива.

- Свой?

- Или чужой, который хочет выглядеть своим.

- Камера в подъезде?

- Есть, но Морозов не смотрит.

Морозов поднял голову.

- Почему?

- Потому что если ты сейчас полезешь в подъездную камеру, они запишут техническое вмешательство и добавят проценты. Ты сам это уже понял, просто надеялся, что я забыла.

Он обиделся на правду, как обычно.

- Тогда как узнаем?

Надя взяла прозрачный файл, положила туда акт и приложение. На обложке чистого листа написала: «ПВ-0. Первый акт. Смотреть бумагу. Не оцифровывать».

- Ногами.

Паша посмотрел на неё.

- Куда?

- Туда, где старые учебные примеры не выглядят как данные. В методический архив. Центр временного сопровождения куда-то дел свои папки. Если Архипов согласовывал этот акт, он не мог быть один. Должен быть журнал выдачи, журнал обучения, акт передачи. Люди любят уничтожать личные дела, но забывают про журналы, потому что журнал кажется скучным.

- Скучное чаще всего и убивает, - сказал Паша.

- Ты становишься подозрительно пригодным для частной работы.

- Не угрожай.

Морозов листал свой блокнот.

- У нас ещё проблема. Если это учебный эталон, значит, все последующие дела могли размечаться тем же языком. Активность после смерти, голос, чтение, черновик, свидетельство, круг, доверенное лицо. Это не просто преступления. Это типы.

- Я знаю.

- Нет, Надя. Типы не для памяти. Типы нужны, чтобы потом автоматизировать.

Телефон в коробке глухо ударился о металл. Один раз. Потом второй.

Никто не пошёл к нему сразу.

Паша спросил:

- Открывать?

Надя посмотрела на коробку. Внутри дрожала вещь, которая уже много раз делала вид, что она только вещь.

- Нет.

Телефон ударился в третий раз и замолчал.

Через минуту Морозову пришло сообщение на его старый кнопочный аппарат, который он держал для людей, которым не доверял смартфоны. Он посмотрел на экран.

- От Суханова.

- Читай.

- «Антипов живой. Говорить может. Пансионат внезапно забыл, что закрывал ему доступ. Приезжайте без цирка». Потом отдельное: «Морозова не брать, пусть не светится, нервный он».

- Обижает, - сказал Морозов.

- Точно видит, - ответила Надя.

Она взяла акт, папку Лосева и чистый блокнот.

Паша уже надевал пальто.

- Я с тобой?

Надя остановилась в прихожей.

Это был новый вопрос. Не прежнее «я еду», не следовательское «поехали», не защитное «одна ты не пойдёшь». Он спросил. И этим на секунду сделал коридор шире.

- Да, - сказала она. - Рядом.

Он кивнул.

- Рядом.

Морозов остался у стола с карандашом и актом, который нельзя было сканировать.

- А я?

Надя открыла дверь.

- Ты рисуешь память.

- Ненавижу финальные книги, - сказал Морозов.

- Мы не в книге.

Он посмотрел на неё почти ласково.

- Вот поэтому всё так плохо.

На лестничной площадке пахло мокрой побелкой и чужим ужином. Конверт больше не лежал на коврике. Площадка была пустая. Надя закрыла дверь и проверила ручку.

Не потому что боялась.

Потому что теперь любое открытие надо было помнить рукой.

10. Журнал без поиска

Пансионат находился на северной окраине, в здании, которое когда-то строили с верой в светлые коридоры, а потом долго приспособляли к экономии. Стекланный вход, пандус с облупленными поручнями, пластиковые кадки с почти живыми растениями, стойка охраны, где пахло растворимым кофе и старой формой. В холле висел телевизор без звука. На экране кто-то улыбался так широко, будто ему уже подтвердили все права на чужую радость.

Суханов стоял у стойки. Не спорил, не давил, не махал удостоверением. Просто стоял. Для него это было почти насилием над природой. Охранник смотрел в монитор с таким лицом, будто надеялся, что если не поднимать глаза, большой человек в мокром пальто станет интерьером.

Юлия Антипова сидела на пластиковом стуле у стены. На коленях у неё лежала папка, поверх папки - ладони. Ладони были красные, с короткими ногтями, у одного ногтя треснул лак. Она вскочила, когда увидела Надю.

- Он говорит.

Слова вышли как обвинение. Не Наде. Всем.

- Что говорит?

- Что он не входил. Что вообще не понимает, что они от него хотят. Что телефон у него забрали месяц назад, потому что «ему вредно нервничать». А последний вход был неделю назад. С его устройства.

Паша тихо спросил:

- Кто устройство держал?

Юлия посмотрела на стойку.

- Тут говорят, что никто. Устройство хранилось в сейфе.

Суханов не обернулся.

- А сейф, конечно, сам себя уважает и открывается только по нравственной необходимости.

Охранник у монитора побледнел.

- Игорь Михайлович, - сказала Надя.

- Я молчу.

- Это не очень похоже.

- Я молчу внутренне.

Юлия повела их по коридору. Здесь было тепло и душно. На стенах висели распечатанные пейзажи: берёзы, озеро, храм, всё то, чем учреждения обычно извинялись за запах лекарств, каши и закрытых дверей. Из одной комнаты доносился старческий смех, из другой - кашель. Медсестра с тележкой прошла мимо и не посмотрела на них. В таких местах люди быстро учились смотреть сквозь чужую беду, чтобы не увязнуть по колено.

Антипов лежал у окна. Худой, с острым носом и белыми волосами, которые торчали так, будто тело уже устало от внешнего порядка. Глаза у него были ясные, злые. Хорошие глаза для человека, которого почти закрыли до смерти.

- Пап, это Надежда Александровна, - сказала Юлия. - Я говорила.

- Частный сыщик? - спросил Антипов.

Голос был сухой, но живой.

- Что-то вроде.

- Следователь?

- Была.

- Значит, хуже. С бывшими всегда сложнее, они уже знают, где врут.

Надя поставила стул рядом с кроватью, но не села сразу.

- Сергей Павлович, вы входили в систему обслуживания неделю назад?

- Я неделю назад пытался выбить у них нормальный чай.

- Получилось?

- Нет. Значит, нет у меня никакого доступа.

Юлия вдруг закрыла рот рукой. То ли смех, то ли рыдание застряло в ней и вышло воздухом.

Антипов посмотрел на дочь, потом на Надю.

- Они сказали Юле, что я сам всё подтвердил. Что не хочу споров. Что прошу закрыть обращения. Что дочь эмоционально вовлечена. Очень удобная фраза. Когда человек рядом, он всегда вовлечён. Не холодильник же.

Паша стоял у двери. Не вмешивался. Суханов остался в коридоре, и его тень за матовым стеклом была похожа на служебное давление, которое старается не дышать.

- Телефон где? - спросила Надя.

Антипов показал глазами на шкаф.

- Был там. Потом сказали, что перевели на хранение. Потом сказали, что я сам запросил ограниченный режим. Потом сказали, что мне не надо всё помнить, главное - безопасность. Меня в жизни много раз называли старым дураком, но так вежливо впервые.

- Вы подписывали бумаги?

- Конечно.

Юлия резко повернулась.

- Папа!

- Юля, не делай лицо участкового терапевта. Я подписывал согласие на выдачу лекарств, питание, обработку данных, фотографирование для карты, допуск дочери, запрет дочери, разрешение дочери, отзыв запрета дочери. Тут бумагу дают как хлеб. Не подпишешь - будешь голодным, только юридически.

Надя достала блокнот.

- Вы помните фразу «последний вход»?

Антипов задумался. Не старчески, не расплываясь, а с раздражением человека, которому мешает не память, а чужой шум вокруг неё.

- Помню «последнее волеизъявление». Молодая приходила. Не отсюда. В сером костюме, хорошая девочка с мёртвыми глазами. Сказала, что надо зафиксировать мои предпочтения на случай ухудшения контакта. Я сказал, что моё предпочтение - нормальный чай и чтобы дочь пускали без унижения. Она улыбнулась и спросила, могу ли я подтвердить через устройство.

- Можете описать?

- Планшет. Серая рамка. Кнопка большая. Я нажал один раз.

Юлия побелела.

- Папа, ты же сказал...

- Я нажал, что хочу личный контакт. Не закрытие. Не отказ. Личный контакт. Там было написано крупно. Я ещё подумал, наконец-то кто-то в этом дурдоме знает русские слова.

Надя записала: «личный контакт». Подчеркнула.

- Потом?

- Потом всё стало закрыто. Юле сказали, что личный контакт невозможен, потому что я сам выбрал безопасное завершение. Красиво, да? Нажал на чайник - получил похороны.

Паша поднял глаза.

- У вас осталась копия?

Антипов посмотрел на него с интересом.

- Молодой человек, у меня осталась язва, плохой сон и дочь, которая теперь боится каждого моего вдоха. Копии у меня нет.

Надя спросила:

- А бумажный журнал посещений у них есть?

Антипов усмехнулся.

- Конечно. Они же боятся проверок больше, чем смерти. Бумажный журнал есть всегда.

В коридоре Суханов уже говорил с администраторшей. Голос у него был ровный. От этого становилось тревожнее, чем если бы он орал.

- Нам нужен журнал посещений за неделю, когда приходила представительница в сером костюме, - сказала Надя.

Администраторша была женщина с аккуратной причёской и лицом, которое само просилось на бейдж: «Я не принимаю решения». Бейджа, впрочем, у неё не было. Видимо, решение о бейджах тоже принимал кто-то другой.

- Журналы содержат персональные данные.

Суханов кивнул.

- Прекрасно. Значит, они существуют.

- Мы не можем...

- Вы можете показать строку с посетителем Антипова Сергея Павловича за конкретную дату при согласии самого Антипова Сергея Павловича. Или я сейчас начну вспоминать, какие ещё журналы у вас есть. Пожарный, санитарный, выдачи ключей, сейфового хранения устройств. У меня память плохая, но злость помогает.

Администраторша посмотрела на Надю, будто у той была кнопка выключения Суханова.

Надя кнопкой не была.

Журнал принесли через семь минут. Семь минут в учреждении - это почти признание вины. Толстая тетрадь, синяя обложка, помятые углы. Записи от руки. Фамилии посетителей, время, цель визита, подпись охраны.

Надя листала медленно. Паша стоял рядом и не трогал. Юлия смотрела через плечо так, будто боялась моргнуть и пропустить отца обратно в закрытый статус.

В нужный день значилось:

Райская О. С. Методическое сопровождение. 15:20-15:47.

- Райская, - сказал Паша.

- Не Антипова.

- Не из пансионата.

- Методическое сопровождение, - повторила Надя.

Суханов наклонился.

- Райская Ольга Сергеевна. Фамилия знакомая?

- В промокших местах все фамилии рано или поздно становятся знакомыми.

На соседней странице, двумя днями позже, была другая запись:

Архив последнего доступа. Курьер. Устройство 14-А. Сейф.

Без фамилии.

- Вот это уже не посетитель, - сказал Паша.

- Это вынос, - сказала Надя.

Администраторша быстро произнесла:

- Устройства передаются по внутреннему регламенту. Пациенты часто сами просят ограничить доступ, чтобы избежать мошенников, давления родственников...

- Конечно, - сказала Юлия. - Особенно когда родственник хочет принести чай.

Антипов из комнаты крикнул:

- И печенье! Печенье тоже в протокол внесите!

Рита бы оценила, подумала Надя.

Она сфотографировала журнал не телефоном, а старым способом: переписала строки, время, соседние записи, номер страницы, дефект обложки, цвет пасты. Потом попросила у

администратора лист бумаги и под копирку, если есть. Копирки, конечно, не было. Тогда Суханов достал из кармана служебный бланк и положил перед ней.

- Пишите объяснение.

- Какое?

- Что журнал был предъявлен добровольно. Строка такая-то. Посетитель такой-то. Передача устройства такая-то. Нет, я не давлю. Я существую рядом, а давление вы сами в себе чувствуете.

Паша отвернулся, чтобы не улыбнуться.

Надя посмотрела на журнал ещё раз. Скучная тетрадь дала больше, чем три цифровых уведомления. В ней не было красивой логики. Только человек в сером костюме, время, устройство, курьер без фамилии и сейф, который открывали не духи.

Телефон Паши завибрировал. Он посмотрел и сразу убрал экран от Юлии.

- Что?

- Морозов.

- Читай.

- «Райская О. С. встречается в старых методических списках Центра временного сопровождения. Не главная, но глубоко. Похоже, она была на передаче бумажных эталонов в цифровой контур. И да, я рисую, чтоб вы все подавились своей аналоговой романтикой».

Суханов мрачно сказал:

- Морозов сегодня слишком счастлив для человека, которому дали карандаш.

Надя закрыла журнал.

- Нам нужен не поиск по фамилии.

Паша понял первым.

- Журнал выдачи методических материалов.

- Да. Не кого искали. Что выдавали.

- Архив последних действий.

Она посмотрела на страницу с Райской, потом на пустую строчку под курьером.

- Журнал без поиска. Там, где люди думали, что пишут скучную отчётность, а писали биографии будущих мёртвых.

Юлия тихо спросила:

- А папа?

Надя повернулась к ней.

- Его последний вход уже спорный. Но этого мало. Надо вернуть ему личный контакт, пока они не успели оформить его как новое подтверждение.

- Как?

Антипов снова крикнул из комнаты:

- Для начала пусть дадут чай!

Юлия вдруг засмеялась. Нервно, громко, почти некрасиво. Администраторша вздрогнула, будто смех не был предусмотрен режимом учреждения.

Надя посмотрела на Пашу.

- Запиши. Первое личное требование субъекта после спорного закрытия: чай.

Паша достал блокнот.

- С сахаром?

Из комнаты донеслось:

- Без сахара, я ещё не умер!

Суханов хмыкнул.

- Живой.

Это было не заключение эксперта, не акт и не статус. Просто старый следователь в душном коридоре сказал о старике за дверью одно слово.

Иногда слово, сказанное не системой, держало человека лучше любого доступа.

Когда они вышли из пансионата, уже темнело. Юлия осталась с отцом и кипятком в пластиковом стакане, который Антипов назвал «началом гражданского общества». Паша сел за руль, Надя рядом. Суханов остался на парковке разговаривать с кем-то по телефону так тихо, что даже мокрый снег не решался перебивать.

Сообщение от Морозова пришло им обоим одновременно.

«Нашёл старый индекс. Не по фамилиям. По типам действий. Активность, голос, хранение, наблюдение, чтение, черновая версия, свидетельство, подтверждение, доверенное действие. И отдельный раздел: последний вход. Приезжайте. Только без телефонов, потому что сейчас я сам себе противен».

Паша завёл машину.

- К нему?

Надя смотрела на пансионат. В одном окне на втором этаже мелькнула Юлия. Рядом с ней поднялась тонкая рука Антипова. Кажется, он показывал стакан.

- К нему.

- А потом?

- Потом будем читать журнал, в котором нас уже прочитали.

11. Учебные примеры

Морозов устроил архив последних действий у Нади на кухне, потому что в рабочей комнате, по его словам, «слишком много драматического дерьма на квадратный метр». На кухне драматического дерьма было не меньше, просто оно маскировалось под чайник, засохший хлеб, батарею, старую скатерть и два стакана, которые никто не хотел мыть. Телефоны лежали в металлической коробке в прихожей. Ноутбук Морозов тоже не открыл. На столе были только листы, карандаш, распечатанные схемы из открытых старых реестров, его корявые копии акта и большой лист ватмана, который он нашёл неизвестно где.

Вверху ватмана было написано:

Архив последних действий.

Ниже шли девять столбцов.

Активность. Голос. Хранение. Наблюдение. Чтение. Черновик. Свидетельство. Подтверждение. Доверенное действие.

Десятый столбец Морозов оставил пустым.

- Театрально, - сказала Надя.

- Это не театрально. Это методически мерзко. Пустой столбец сам на себя смотрит.

Паша повесил пальто на спинку стула. Сел не рядом с Надей, а напротив. Суханов приехал позже, вошёл без звонка, потому что Надя сама оставила дверь на цепочке и открыла ему после первого удара костяшками. Рита появилась с Мартой ещё через двадцать минут. Марта выглядела так, будто морг вынул из неё последние остатки дневного света. Рита держала её не под руку, а за рукав. Так меньше походило на помощь и больше - на грубое решение не дать человеку рассыпаться в подъезде.

- Лосева выдали? - спросила Надя.

Марта кивнула.

- Завтра оформление. Сегодня дали посмотреть. Уже как жене.

Она произнесла это спокойно, но на слове «жене» голос чуть дрогнул. Не от нежности. От того, что статус, возвращённый слишком поздно, всё равно резал.

Рита села у батареи.

- В документах пока всё равно срач. Но срач живой, не автоматический. Это лучше. Я никогда не думала, что скажу такое про срач.

Суханов посмотрел на ватман.

- Что за школьный кружок некромантии?

- Учебные примеры, - сказал Морозов. - Старый центр собирал типы последних действий. Сначала на бумаге. Потом подрядчики это оцифровали. Потом кто-то очень аккуратный понял, что типы можно не только разобрать задним числом, но и назначать заранее.

- Ближе к грязи, - попросила Рита.

Морозов ткнул карандашом в первый столбец.

- Активность. Человек исчез, умер или недоступен, а аккаунт продолжает двигаться. Статус, вход, переписка, реакция. Для системы это не «подделка жизни», а тип последнего действия: цифровая активность как сохранённое присутствие.

Надя смотрела на слово «активность». Первая книга поднялась не воспоминанием, а запахом. Ночной экран, мокрый Дровяной, женщина, которая говорила: она была в сети. Тогда это ещё казалось отдельной бедой. Кто-то продолжал жить за исчезнувшую, потому что так легче спрятать смерть. Теперь этот первый след стоял в столбце, как учебный пример.

Морозов перешёл ко второму.

- Голос. Сообщения после смерти, голосовые, текст, стиль. Живые отвечают не человеку, а форме, которая научилась звучать достаточно похоже. В старых методичках это называлось «эмоциональное удержание контакта».

- Красиво, - сказала Рита. - Я бы за такое словосочетание сразу била по рукам дверцей холодильника в морге.

Марта неожиданно сказала:

- У Ильи было: «телефон ответит за меня». Он боялся не того, что телефон соврёт. Что ему поверят быстрее.

Надя кивнула.

Морозов записал это на полях: «верят быстрее».

- Хранение, - продолжил он. - Архивные дела, сроки, переносы, люди с несколькими бумажными жизнями. Если данные достаточно долго лежат, их начинают считать устойчивее человека.

Суханов глухо сказал:

- Ведомственная религия.

- Да. Наблюдение - это уже Надя как материал. Реакции, связи, кто приезжает, кто звонит, кто за кого вступается. Здесь много из четвёртого дела.

- Не называй это «четвёртым делом», - сказала Надя.

- Хорошо. Из того раза, когда тебя начали считать объектом, а ты делала вид, что это обычная неделя.

- Лучше не стало.

- Мне тоже.

Паша молчал. Он смотрел на столбец «подтверждение», но Морозов до него ещё не дошёл. Иногда человек заранее смотрит туда, где ему будет больно, чтобы боль не застала его врасплох. Это редко помогало, но люди всё равно пытались.

- Чтение, - Морозов провёл линию. - Кто имеет право прочитать последний текст, последнее действие, последнюю фразу. Вера, Громова, Никита, те материалы, где смысл был не в том, что написано, а в том, кто назначен читателем. Если читатель неверный, человек умирает второй раз уже в трактовке.

Надя вспомнила страницы, на которых чужая жизнь становилась удобной версией потому, что кто-то получил право сказать «она имела в виду». Право чтения было самым тихим из насилий. Там почти не надо было подделывать. Достаточно поставить рядом человека с правильной печатью.

- Черновик, - сказал Морозов. - Редактирование последовательности. Пока дело не закрыто, можно менять местами причины, мотив, время, вину. Черновая версия становится почти финальной, если никто не успел заметить правку.

- У нас полстраны так живёт, - сказала Рита.

Суханов бросил на неё взгляд.

- Римма Викторовна.

- Я про медкарты, Игорь Михайлович. Конечно же про медкарты. Что вы сразу политический труп под столом ищите.

- Я ничего не ишу. Он сам шевелится.

Марта вдруг коротко улыбнулась. Ненадолго, но этого хватило, чтобы лицо перестало быть только лицом вдовы.

Морозов дошёл до «свидетельства».

- Седьмой тип. Плохая связь, рваное видео, звук без изображения, изображение без звука, задержанные сообщения. Правда есть, но приходит неполной. Система использует неполноту как основание для собственного чтения. Свидетель не исчезает, его делают процессуально непригодным.

Паша поднял глаза.

- Подтверждение.

Морозов посмотрел на него.

- Да. Круг. Егор Мальцев, Ася, Лида Кудрявцева, Снегирёва, Левин, Берестов, Марина, Волкова. Человека разбирают на чужие достоверные куски. Каждый кусок сам по себе честный, а сборка - ложь.

Паша взял карандаш и написал под словом «подтверждение»:

Факт. Не трактовка.

Надя не сказала ничего. Это была его строка, не её.

- Доверенное действие, - Морозов указал на девятый столбец. - Паша как доверенное лицо. Лосев как представитель собственного тела. Марта как супруга ограниченной достоверности. Костя как исторический бытовой вход. Мария Сергеевна как первичный запрет. Садовая, комната 0-4, маршрут 9-ДЛ. Действие за человека до того, как он умер, после того, как умер, и пока он ещё жив, но уже неудобен.

На кухне стало тесно от этих слов.

Суханов встал, прошёл к окну, потом вернулся. Ему надо было двигаться, иначе он начал ломать.

- И десятый?

Морозов посмотрел на пустой столбец.

- Последний вход. Финальная сборка. После него каждый предыдущий тип можно закрыть. Активность становится присутствием. Голос становится волей. Архив становится памятью. Наблюдение становится оценкой риска. Чтение становится трактовкой. Черновик становится финальной версией. Свидетельство становится вспомогательным. Подтверждение становится личностью. Доверенное действие становится правом.

- А человек? - спросила Марта.

Морозов не ответил сразу.

За него сказала Надя:

- Человек становится завершённым.

Рита выругалась. Не громко. Точно.

Паша взял карандаш у Морозова и написал в пустом столбце одно слово:

Завершение.

Потом зачеркнул.

Надя посмотрела на зачёркнутое слово. В зачёркивании было больше жизни, чем в любом аккуратном поле.

Морозов достал ещё один лист.

- Есть хуже.

- Всегда приятно, когда ты сохраняешь стиль, - сказала Рита.

- Я поднял не цифровые записи, а старые методические названия. Они почти все до сих пор совпадают с внутренними ярлыками. Но возле каждого вашего вмешательства стоит пометка. Смотрите.

Он разложил листы по столу. Не распечатки из базы. Списки, переписанные от руки из разных источников, потому что открывать систему напрямую он не рискнул. Получилось уродливо и убедительно. Возле каждого типа стояли две колонки: «срыв» и «коррекция».

Активность. Срыв: постороннее расследование Климовой Н. А. Коррекция: активность подкреплять голосом.

Голос. Срыв: эмоциональная подделка выявлена. Коррекция: разделить голос и источник.

Хранение. Срыв: архивная подмена вскрыта. Коррекция: хранить не документ, а право чтения.

Наблюдение. Срыв: объект осознал наблюдение. Коррекция: наблюдение включать в подтверждающий круг.

Чтение. Срыв: назначенный читатель оспорен. Коррекция: ввести черновую версию до финального чтения.

Черновик. Срыв: правка последовательности выявлена. Коррекция: распределить свидетельство.

Свидетельство. Срыв: неполный свидетель удержан живым. Коррекция: подтверждать через круг.

Подтверждение. Срыв: трактовка отделена от факта. Коррекция: назначить доверенное лицо.

Доверенное действие. Срыв: доверенное лицо отказалось от роли. Коррекция: личный формат последнего входа.

Паша медленно положил карандаш.

- Они учились на каждом проигрыше.

- Не на проигрыше, - сказал Морозов. - На нас.

Надя взяла лист с коррекциями. Бумага была новая, но от неё пахло тем же, чем от старых актов: удобством. Не преступлением, не кровью. Удобством, доведённым до профессии.

Марта сказала:

- Илья это видел?

- Часть, - ответила Надя. - Не всю дорогу. Но достаточно, чтобы испугаться.

- Он всегда боялся поздно, - сказала Марта. - Сначала делал вид, что всё контролирует, потом приходил ночью на кухню и пил воду из-под крана. Я думала, это характер. А это, наверное, была работа.

Рита посмотрела на неё внимательно, но ничего не сказала. Иногда не говорить было единственной доступной деликатностью.

Телефон в коробке не звонил. Это было хуже звонка.

Суханов вернулся к столу.

- Что им нужно от Нади сейчас?

Морозов постукивал карандашом по пустому столбцу.

- Закрывать учебник. Не убить, не посадить, не дискредитировать в лоб. Сделать её последним примером. Субъект высокого риска сам вошёл, сам ознакомился, сам подтвердил, что спор исчерпан. Тогда все предыдущие вмешательства можно оформить как частные ошибки, эмоциональные действия, конфликтные трактовки.

- А если она не войдёт?

- Архивная Надя войдёт. Модель из её действий, отказов, связей, старых дел. Скажут: субъект уклонился, но накопленный след достаточен для восстановленного действия.

Паша тихо сказал:

- То есть им нужен любой вход. Её или её подобия.

- Да.

Надя посмотрела на ватман. Девять столбцов и пустой десятый, где слово «завершение» было зачёркнуто рукой Паши. Ей вдруг стало ясно, почему система так любит списки. В списке нет дыхания между пунктами. Всё уже стоит по порядку, и порядок сам начинает казаться смыслом.

Она взяла ручку и под зачёркнутым словом написала:

Спор.

Морозов посмотрел на неё.

- Это не технический термин.

- Значит, пригодится.

В прихожей коротко ударилась металлическая коробка. На этот раз все услышали.

Надя пошла первой. Открыла крышку. Телефон лежал экраном вверх. Уведомление было развёрнуто без касания, будто система устала ждать приличий.

10-ПВ.

Архив последних действий собран.

Количество вмешательств субъекта в последние действия: 38.

Статус: субъект высокого риска.

Дополнительный статус: высокий ключевой доступ.

Рекомендуемое действие: личный вход.

Ниже была строка:

До перехода к архивному входу: 46 часов.

Надя смотрела на цифры.

Паша стоял за её спиной. Не слишком близко. Рядом.

- Они поставили срок, - сказал он.

- Нет, - ответила Надя. - Они поставили нам часы на стену.

- Разница?

Она закрыла коробку.

- Срок требует бежать. Часы можно разбить, если понять, кто их повесил.

12. Высокий доступ

Утро не принесло света. Петербург просто сменил одну серость на другую и сделал вид, что это день. Во дворе Дровяного кто-то долго заводил машину, и мотор кашлял так, будто тоже не хотел участвовать в процедуре. Надя спала два часа на диване, не раздеваясь. Проснулась от того, что рука затекла под головой, а в кухне тихо говорили Паша и Суханов.

- Она спит, - сказал Паша.

- Я вижу. У меня зрение старое, но не ведомственное.

- Тогда тише.

- Я тихо.

- Ты существуешь громко.

- Лазарев, ты за три дня стал такой тонкий, что тебя скоро можно будет в папку подшить.

Надя открыла глаза.

- Не ссорьтесь. У нас ещё не настолько хорошая жизнь.

Паша заглянул в комнату.

- Извини.

- За что именно? За заботу или за Суханова?

- За оба факта.

Она села. На столике рядом стоял стакан воды и две таблетки. Не подписанные. Нормальный человеческий жест, который система при желании могла бы разложить как медицинское вмешательство, эмоциональную опеку и внешний режим восстановления. Надя взяла только воду.

На кухне пахло кофе, мокрой обувью и бумагой. Морозов спал лицом на сложенных руках у стены, рядом с ватманом. Рита ушла с Мартой оформлять Лосева, оставив на холодильнике записку: «Если сдохнете без меня, неаккуратно будет». Под запиской кто-то, вероятно Морозов, дорисовал маленький череп. Рита потом убьёт его, если останется время.

Суханов положил перед Надей папку.

- По Райской.

- Быстро.

- Я не хвастаюсь, я старый.

В папке было немного. Ольга Сергеевна Райская, методист, координатор переходных форм сопровождения, потом консультант подрядчиков по сохранению волеизъявления при утрате контакта. Не начальник. Такие люди редко бывают начальниками. Они пишут инструкции, по которым начальники потом делают вид, что ничего не знали.

- Она жива?

- Да. Работает неофициально, конечно. В списках её нет, но все старые бумаги пахнут её духами.

- Адрес?

- Есть рабочий. Не центральный. Методический фонд на Обводном. Бывшие помещения Центра временного сопровождения. Там теперь склад, учебный класс, архив, чёртова богдельня для формулировок. Юридически чисто, фактически грязно.

Паша поставил перед Надей чашку.

- Телефоны не брали.

- Ты теперь сам это говоришь?

- Ненавижу, но да.

Морозов поднял голову со стола.

- Я тоже не беру. Я вообще сегодня цифровой монах. Только карандаш, бумага и желание умереть от несовместимости.

- Ты спал? - спросила Надя.

- Я моргал с расширенной функциональностью.

- Плохо выглядишь.

- Спасибо, я старался.

Он развернул ещё один лист. На нём была схема не типов, а связей. В центре - Климова Н. А. От неё расходились линии к делам, людям, действиям, отказам. Паша, Суханов, Рита, Морозов, Костя, Марта, Мария. Антипов отдельным входным зеркалом. Лосев - мостом. Мальцев - кругом. Старые дела - учебными коррекциями.

- Вот что значит «высокий ключевой доступ», - сказал Морозов. - Не то, что у тебя есть главный пароль. А то, что ты слишком много раз ломала их финальные действия. Ты для них не враг даже. Ты мастер-ключ наоборот. Где ты появляешься, закрытие начинает спорить.

Суханов хмуро посмотрел на схему.

- Красиво сказал. Противно.

- Я многогранен.

Надя провела пальцем по линии от Марии к Косте, от Кости к Паше, от Паши к Лосеву, от Лосева к 10-ПВ.

- Они не просто собирают мою модель. Они собирают карту тех, кто может меня заменить.

- И тех, кто может отказаться, - сказал Паша.

Она посмотрела на него.

- Это тоже данные.

- Да.

- Ты стал осторожнее.

- Меня использовали как доверенное лицо. Лечусь.

Суханов сел напротив, положил ладони на стол.

- У нас два направления. Первое - Райская и методический фонд. Второе - Антипов. Если старик сейчас лично подтвердит, что его действие исказили, у нас будет живой пример того, что последний вход до смерти можно оспорить.

- Они скажут, что дочь давит.

- Дочь давит. Она живая дочь. Это не преступление.

- Для них почти.

- Поэтому поеду я. И не буду входить.

Надя подняла брови.

Суханов скривился.

- Да понял я. Стою у двери, пугаю стены, молчу в протокол. Редкая дрянь, конечно, но полезная.

- Юлия?

- Уже у него. Рита обещала заехать после морга, если не убьёт кого-нибудь в управлении выдачи тел.

Морозов тихо сказал:

- Я бы на их месте боялся.

- Они на своём месте, поэтому не боятся, - ответила Надя.

Через сорок минут они были на Обводном.

Методический фонд располагался в здании с тяжёлой дверью и табличкой «Архивно-учебный сектор». Надпись была новая, дверь старая. В этом сочетании всегда чувствовалась попытка выдать плесень за преемственность. Внутри было тепло, пахло ламинированной бумагой, дешёвым кофе и пылью, которую моют сверху, не трогая углы. На вахте сидел мужчина в сером свитере. Он поднял глаза, увидел Суханова и сразу стал меньше.

- Нам к Райской Ольге Сергеевне, - сказал Суханов.

- Она не принимает.

- Она не врач.

- У неё занятия.

- Тем лучше. Мы любим учиться.

Надя положила на стойку бумажную копию строки из журнала пансионата. Не акт, не удостоверение, не угрозу. Только рукописную выписку: Райская О. С. Методическое сопровождение. 15:20-15:47.

Вахтёр посмотрел на лист и уже не смог сделать вид, что это не к нему.

- Второй этаж, налево. Только тихо.

- У нас сегодня как раз день внутренней тишины, - сказал Морозов.

- Кто это? - спросил вахтёр.

- Наш карандаш, - ответила Надя.

Класс был маленький. Десять столов, проектор, стопки методичек, белая доска. На доске было написано:

Сохранение воли при конфликте контакта.

Перед доской стояла женщина лет пятидесяти пяти. Невысокая, сухая, с короткой стрижкой и спокойным лицом. Не Селиванова. Не финальная фигура. Скорее та, кто много лет приносил кирпичи, из которых другие построили стену. В классе сидели четыре человека - молодые, безликие в своей служебной аккуратности. Они повернулись на вошедших почти одновременно.

Райская не удивилась.

- Занятие закрытое.

- А воля? - спросила Надя. - Тоже?

Райская посмотрела на неё внимательнее.

- Климова Надежда Александровна.

- Значит, занятие не совсем закрытое. Меня тут знают.

- Вас знают как проблемный пример.

Морозов чуть слышно сказал:

- Вот и познакомились.

Суханов остался у двери. Не вошёл в класс до конца. Паша остановился рядом с ним.

Надя прошла к первой парте и взяла одну методичку.

На обложке не было грифов, только название:

Последние действия субъекта. Разбор спорных случаев.

Она раскрыла на середине.

Пункт 4.3. Эмоционально вовлечённые лица склонны подменять волю субъекта сохранением контакта.

Пункт 4.4. При конфликте свидетелей приоритет имеет устойчивый архивный след.

Пункт 4.5. При отказе субъекта от завершения следует оценивать риск внешнего влияния.

Надя подняла глаза.

- Хорошо пишете. Скучно, но вредно.

Райская закрыла папку на столе.

- Вы пришли спорить с учебным материалом?

- Сначала посмотреть, кто учит людей читать запрет как доступ.

В классе стало тише.

Один из молодых слушателей опустил глаза в тетрадь. Другой, наоборот, смотрел на Надю с той осторожной злостью, которая бывает у людей, когда им мешают оставаться полезными.

Райская сказала:

- Запрет тоже требует сохранения. Иначе после утраты контакта его нарушит первый же родственник с громким голосом.

- И вы назначаете тихого.

- Мы назначаем устойчивого.

- Костянин был устойчивым?

Райская впервые замолчала не методически.

Надя положила на первую парту копию старого акта.

- Первый вход. Климова М. С. / Климова Н. А. Архипов согласовал. Вы это видели?

Райская посмотрела на акт. Лицо у неё не изменилось, но один палец на папке чуть сдвинулся. Маленькое движение. Достаточно.

- Старые формы не всегда корректно выглядят в современном контексте.

Суханов у двери хмыкнул.

- Любимая фраза всех, кто когда-то подписал гадость.

Райская не посмотрела на него.

- Мария Сергеевна хотела защитить дочь от вмешательства. Насколько я помню материалы, ситуация была эмоционально нестабильной.

Надя почувствовала, как Паша за спиной не двинулся. Именно это удержало. Не рука. Не слово. Просто неподвижность человека рядом.

- Вы её знали?

- Я знала случай.

- Удобная разница.

- В работе с последними действиями нельзя каждый раз становиться внутрь семьи. Тогда процедура исчезнет.

- Иногда это называется совесть.

- Иногда это называется произвол.

И вот тут Надя услышала в Райской не ложь. Это было хуже. Женщина правда верила, что спасала людей от произвола живых. От детей, супругов, бывших, врачей, следователей, соседей, истеричных дочерей и молчащих матерей. Она строила клетку не для зла. Для порядка. Поэтому клетка получилась прочной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.